

Евгений Федоров

Большая зона

Книга 2. Ироническая проза

Евгений Федоров

**Большая зона. Книга
2. Ироническая проза**

«Издательские решения»

Федоров Е.

Большая зона. Книга 2. Ироническая проза / Е. Федоров —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904186-9

Сборник невыдуманных рассказов о временах и о людях, проживавших на территории «Большой Зоны», где они вынуждены были жить в 2 ипостасях: «быть» и «казаться, изображать». Немногие смельчаки пытались разорвать этот диссонанс и просто — «жить». Система строго карала «еретиков», выдавливая их на обочину жизни из стройных рядов бесхребетных «строителей светлого будущего»... Одни уходили в запои, другие — в психушки, суицид и на зоны... Многие рассказы объединяет один герой — Антон — бывший беспризорник.

ISBN 978-5-44-904186-9

© Федоров Е.
© Издательские решения

Содержание

Триумф еретиков2	6
1. Юрий Феденёв	6
2. Дмитрий Крылов	12
3. Феликс Устинов	17
Женщину на судно не пущать!	23
1. Соня Бляхер	23
2. Три грации	29
3. Жена кесаря	33
4. Мальвина-чаровница	38
Чисто английская педагогика	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Большая зона

Книга 2. Ироническая проза

Евгений Федоров

Верстка Анастасия Турушкина

© Евгений Федоров, 2018

ISBN 978-5-4490-4186-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПОСВЯЩАЕТСЯ настоящим ГРАЖДАНАМ¹, шагнувшим за борт:

Славе Курилову – океанологу лайнер «Советский Союз», – у берегов Филиппин. 1974 г. Израиль.

Юрию Закиматову – капитану сейнера, – у берегов Норвегии, у мыса Норд-Кап, 1958 г.

Виктору Стежко – капитану пасс. судна «Зарница», в Гибралтаре. 1961 г. Убежище в Англии.

Константину Саплину – капитану СРТ, в проливе Зунд, Дания. 1963 г. Без вести.

Олегу Соханевичу – скульптору, Чёрное море. На надувной лодке – в Турцию, 1967 г.

Геннадию Гаврилову – художнику, Чёрное море. 1967 г. Вместе с О. Соханевичем, в Турцию.

Валерию Саблину – кап..3 ранга, – мятеж на БПК «Сторожевой», 1975, Рига. Расстрелян.

Юрию Петухову – стармеху, Калининград, за газету НТС «Посев» осужден на 5 лет, пропал без вести.

Валентину Бянкину, – начальнику ДВ пароходства, капитану, писателю, 1983 г. замордован партийной кликой, уволен, суицид в каюте судна...

Дмитрию Камкину, – руководителю флота, капитану, легендарному подводнику – торпедировал нем. линкор «Тирпиц», замордован партийной кликой, сослан в Магадан, умер в каюте одиноким. 1978 г.

Юрию Галичу – генералу Белой гвардии, автору 14 книг и песни «Поручик Голицын», 1920 т. суицид при аресте чекистами в Риге.

И – всем другим, не упомянутым мною!

АВТОР.

¹ В Древней Греции статусом «*гражданина*» (политас) обладали только *свободные люди*, имеющие право голоса. Рабы и женщины статуса гражданина не имели.

Триумф еретиков² Повесть-трилогия

*Слава, деньги, почести – пустое...
Просто нужно принадлежать
правлящей клике.*

Фредерик Стендаль

*Семьдесят лет в своей жизни я прожил, словно с игральными
костями в руках... Но только на смертном одре я понял, когда выигрши
оборачивался проигрешем и – наоборот!*

Дени Дидро

1. Юрий Феденёв

«Летун» – это не лёгчик. Это – человек, порхающий с одной работы на другую или, не задумываясь, меняющий профессии... А «шалтай-болтай» – это ещё и совсем безответственный летун. И с амбициями.

Но есть племя, целенаправленно, со смыслом и упоением соединяющее в себе оба понятия, причём безо всякого стеснения. Совсем наоборот: с гордостью. И исполняют они свою миссию с помощью простого, но верного приёма: болтологии. Особо не надрывая мозги, они используют готовые газетные штампы типа: «достигнуть усиления» или «усилить достижения», «мобилизовать усилия для достижения» или «достигнуть полной мобилизации усилий», а слово «бороться» у них идёт – через строчку... Ну и еще десяток слов, вариации из которых, согласно Биному Ньютона «Число перестановок из числа сочетаний» могут достигнуть... Вы не поверите, – девятизначных цифр!

Делается это просто: берём газету и аккуратно всю потрошим на отдельные слова. Потом перемешиваем, не глядя, как бочонки лото в мешочке и наобум соединяем пригоршню газетных квадратиков со словами. Уверяю вас, что получится забойная статья на острую, сиюминутную политическую ситуацию, а автор прослывет среди завистников-политологов как провидец со светлейшей головой! Чтобы служить коммунистическому Молоху, нужно было быть или наивнейшим дитятей или законченным подлецом, с «дулей в кармане»...

Юрий Феденёв являл собою – первое, он был не просто наивным дитятей, инфантом, как многие маменькины сынки. Он, с задором молодого любовника, отдавался идее «светлого будущего»... Такого светлого, но никогда не достижимого, как сено у морды Буриданового осла...

Стезю политработника Юра выбрал со школьной скамьи, внимательно присмотревшись к мелкотравчатым партийным бонзам. Они были сродни попам: несли мёртвые идеи и догмы массам, а за это пользовались всеми земными благами, не ударив пальцем о палец. И им не грозил celibat – обет безбрачия, сухой закон и даже обязателька в виде уборки картошки (сена, овощей) в подшефном совхозе под топором лишения всех премий и даже – (о, ужас!) – тринадцатой зарплаты! Им даже не грозила жизнь в коммуналке, стояние в очередях за продуктами, на мебель, ковёр и холодильник. Им даже дозволено было без очереди (минимум 15 лет!), по «разнарядке», купить «Жигуль»!

А всего-то и надо было так это – вступить в комсомол и рьяно изображать молодого борца: голосовать везде «За!», ходить с портретами в руке на демонстрациях и на некоторое

² Еретик – протестант против догм и культов.

время затаиться на кухне в своих взглядах и высказываниях.. «Женщины – есть товарищи по работе (учёбе, общественной работе), спиртное – табу! Только на кухне, при выключенном свете! Курить – не желательно... И, очень важно, – захватить лидерство в стенгазете (писать за всех заметки и рисовать газетные лозунги!), в бригаде или на курсе. Если появятся „товарищи с поднятыми воротниками“ и будут предлагать „сотрудничество“, соглашаться, повизгивая от восторга!»

И – «Путь наверх» – открыт! Ступени: комсорг, райком комсомола, инструктор парткома, райкома и, наконец, – Секретарь... Хоть – двадцатый по счёту, но у же – в отаре своих, неприкасаемых! Вопреки индусам – Высшая каста!

В 1918 году, когда возникла угроза немецкого вторжения, фактический глава государства и наркомвоенмор Лев Давидович Троцкий (Лейба Бронштейн) объявил добровольную мобилизацию в новую, Красную Армию.

Кто мог пойти в любую, хоть даже серо-буро-малиновую армию, после трёх лет окопной жизни в голоде и в холоде под градом пуль и снарядов? Только бомжи, пьяницы, босяки, опустившиеся элементы, безграмотная, безлошадная рвань. И они – «записались» в Красную Армию! Но не – за так! А за 50 рублей в месяц, при одежке, обуви и харчах! (Корова стоила – 600 рублей). Но собранная вкуче эта неуправляемая орда понятия не имела о воинской дисциплине и своём боевом предназначении... При первых же выстрелах противника «Красная Армия» разбежалась «на все четыре стороны»... А Павел Дыбенко, матрос Балтфлота с 3-х классным образованием, командующий войсками под Нарвой дезертировал с поля боя и бежал так резво, что очнулся аж в Казани. Чтоб спасти свою шкуру от трибунала, пришлось переспать с ненавистной Шуркой Коллонтаихой... (Позже – наш Посол в Швеции).

Затея грозила провалиться, а организованный и боеспособный враг наступал со всех четырёх сторон света... И тогда Троцкий, под угрозой расстрела в случае отказа, призвал на руководящие посты в эту дикую толпу – белых офицеров, с повышением в звании и высокими окладами. Но, доморощенные воинские начальники, вчерашние свинопасы и уголовные преступники, составлявшие костяк революционного воинства, такие, как Чапаев, Котовский, Щорс, Ворошилов, Будённый, Пархоменко и примкнувший к ним бывший налётчик Сталин – засуетились. Они были – бледная копия белых боевых офицеров и способны были только к наскокам на брошенные сёла с целью грабежа. Эдакие – «Грицианы Таврические, жаждущие «золотому запасу»... И тогда Троцкий придумал и создал институт комиссаров и «заградотрядов с пулемётами»! Это означало, что к каждому военспецу были приставлены по комиссару-Швондеру с обоих боков, с маузерами на ляжке и инструкцией: стрелять и стрелять в белого командира при непослушании пролетарских вояк от сохи...

Отсюда есть и пошло двоевластие в армии и на флоте сверху донизу от самого верха и до последнего комвзвода... С зубовным скрежетом боевые офицеры вынуждены были терпеть указания амбициозных, безграмотных и наглых недотёп и прохвостов из пьяных матросов, студентов-недоучек, уголовников и истерических девиц, ибо за их плечами стояло всевидящее око карающих органов... ЧК!

9 октября 1942 года в Красной Армии был отменён институт военных комиссаров. Ну и что? Зато были введены политработники сверху донизу, а «хрен редьки не слаще». Из кого они были? Из партийных функционеров, директоров и разных «председателей», вплоть до сельсовета. Всем им, знакомым с воинскими делами только по кинофильмам, присваивали высокие звания и бросали в действующую армию.

Так, например, стал полковником Л.И.Брежнев, единожды посетивший Малую землю, как бы – в командировке. Он сам высоко оценил свой подвиг и присвоил сам себе четыре геройских звезды! (Остаётся непонятным, как вообще можно быть «дважды» и более героем, как и иметь «два» и более высших образования? Это такой же нонсенс, как если бы Екатерина

Вторая дважды возвела Александра Суворова в графское сословие! Весь двор сделал бы вывод: «Не иначе, как – спьяну!»)

Гитлер пристально следил за идейно близким другом Сталиным и много «полезного» перенял у него. Это и концлагеря (почин открыл добренький дедушка Ленин на Соловках для «идейно чуждых элементов»), и «заградотряды» Троцкого (ненадёжное воинство Гитлера, собранное со всей Европы: болгары, венгры, итальянцы, румыны, хорваты, чехи, испанцы и, наконец, – братья-славяне – «власовцы» «дрангу нах остен» предпочитали «драпу нах вестен», а посему за их спинами стояло варварское изобретение Троцкого – стрелять по своим! – «заградотряды» с пулемётами!). И – красные, кровавые знамёна у обоих с руническими знаками. У Сталина – сатанинский знак: пятиконечная звезда! И каждый красноармеец носил его на лбу! У Гитлера – знак плодородия: модернизированная лично им свастика (лучи креста повернуты в обратную сторону, по часовой стрелке!). А вот штрафные батальоны (для офицеров) и штрафные роты (для рядовых), это уже – пардоньте – Сталин «слизал» у своего молодого последователя и узаконил публичным Приказом №227 от 28 июля 1942 года – «Ни шагу назад»! Про тотальное стукачество и политическую слежку, про отношение к религии и подневольным народам, тут у них было – полное единомыслие и одинаковый подход к решению: «Нет человека – нет проблемы!» Гитлер также перенял у Сталина надзор за своими военными начальниками с помощью политической тайной полиции – ГесТаПо. (У Сталина ОГПУ! Объединённое Государственное политическое управление. Скромненько так: «Управление»!)

Юрий Фёденёв – молодой человек с семитской внешностью: «курчавые» волосы, слегка навывкате глаза и немного вывороченные губы, в общении – рубаха-парень, с первых двух слов – на «ты», прошёл «Путь наверх» по обычной схеме и вынырнул из райцентра Калининградской области уже инструктором горкома комсомола. (Они с мамой даже выгодно махнули свою «двушку» в райцентре на «однушку» в «разбитках» Калининграда. Это, – когда в разбомблённом многоэтажном доме «врукопашную» отреставрировали одну-две комнаты, используя сохранившуюся «коробку» здания и кое-какие перекрытия.).

Надо сказать, что одиозная организация «Комсомол» существовала только в умах партфункционеров и статьёй значительных расходов в бюджете государства. Молодым людям она была глубоко чужда не только своими обязловками и ограничениями, но и посягательством на свободомыслие, одежду, музыку и – кошелёк, наконец! Скрепя сердце, приходилось вступать, числиться и платить взносы ради одной-единственной бумажки, «комсомольской характеристики», в коей чёрным по белому должно быть прописано: «Партии Ленина-Сталина – предан!» (А по-хорошему, стоило бы изменить всего лишь первое слово: ПартиЕИ!») И ещё одна «заслуга» этой квазипатриотической организации: лицемеры с лысынами тянули себе на подмогу лицемеров безусых и учили их жить двойной жизнью. Ярчайший пример иуды-провокатора со студенческой скамьи это Михаил Горбачёв. Он, стукач со ставропольским стажем, был назначен (у них это называлось – «рекомендован»!) органами на пост комсомольского секретаря курса в университете и «сдал» немало своих сокурсников органам, как «космополитов» (слушали «Голос Америки», танцевали «Буги-вуги», жевали жвачку, одевались под «стиляг» и, самое страшное! – игнорировали комсомольские собрания). Такие еретики однозначно не только отчислялись из универа под разными предлогами, но и попадали в чёрный список КГБ на пожизненный «цугундер», как потенциальные шпионы и перебежчики в стан лютого врага – за железный занавес, в проклятый, загнивающий капитализм.

Генеральный секретарь ЦК КПСС, «политическая проститутка» (термин Ленина) Горбачёв в каждом городе склонял пятнистую башку у постаментов Сатане – Ленину не с бухты-барахты. Он мысленно клялся на крови идти путём Ленина: брать деньги у врагов и расплавиваться интересами России. А потом, ничтоже сумняшеся, лобызался с заклятыми врагами СССР: смотрите, я отрабатываю...

Правды ради, этот комсомольско-партийный иуда отмаливал свои грехи и стоял со свечкой в храме... Было и такое. Но Христу он, наверное, тоже стал противен, когда получал 30 сребреников (в виде Нобелевской премии) за сброшенные задарма наши военно-стратегические интересы и имущество в Европе. И он от Горбачёва отвернулся...

Однако, до сих пор этот образцовый коммунист живёт на подачки у Запада и юзит задницей – мечтает вновь вернуться к утраченному корыту с дармовым пойлом.

Да, терпелив русский народ, в Америке Горбачёва давно бы прикончили.

Градообразующее предприятие города Калининграда – Управление экспедиционного лова (УЭЛ) в 1958 году получило с новостроя в Англии большой рыболовный траулер бортового траления «Окунь». Он был намного крупнее тех полтора десятка средних рыболовных траулеров (СРТ), которые уже бороздили Северную Атлантику от Фарерских островов и до Ян-Майена, от Норвежских шхер и до Исландии. Все эти СРТ ловили сельдь дрейфтерными (плавными) сетями, которые затем выбирали (почти 4 километра!) вручную! Траулер «Окунь» для такой кустарщины не подходил. И его было решено послать на промысел окуня к берегам Канады, к острову Ньюфаундленд, где, по разведанным наших институтов мурманского ПИПРО и калининградского БалтНИРО имелись хорошие перспективы.

Юрий Михайлович Феденёв к этому времени уже вырос из комсомольских штанишек и околачивал груши при парткоме УЭЛа в качестве «свадебного генерала». Его держали, в основном, при штабе экспедиции в океане на плавбазе.: холостяк и шибко беспокойный. При парткоме излишне мельтешит, а в штабе, в океане – самый раз. «Пушай себе читает по микрофону лекции о международном положении и собирает с судов протоколы партсобраний! Всё – при деле, вроде!»

Штаб в океане, при экспедиции – это цыганский табор «прилипал». Кроме полезных людей, вроде синоптика, механика-наставника и наставника по добыче, там постоянно изображали полезность своего бытия ещё и: наставник по ТБ (технике безопасности), наставник по пожарной безопасности, инструктор парткома, профкома и... куда же без него – смотрящий (куратор!) КГБ! В парткоме даже не ломали голову: кого направить на «Окунь» в качестве первого помощника капитана! Ну, конечно же, – Юру Феденёва, он как раз здесь и фонтанирует своими прожектами, мутит воду в тихой, болотной заводи – в кабинетах парткома!

Вверху посредине – Юрий Феденёв. Под ним – автор. 1958 г. Кильский канал, ФРГ. Рейс – в Канаду.

Перво-наперво, Юрий Михайлович выпустил на «Окуне» фотогазету. Для этого он обошел всех по каютам и, панибратски, познакомился со всеми «за ручку».

Когда в кают-компании появился огромный разворот с фотками каждого «при деле» – всем это очень сподобилось: «Ценит!»

Юрий Михайлович ещё в комсомоле схватил у кого-то из старших очень веский постулат: «Для каждого человека нет ничего более важного в жизни, чем **БЫТЬ ЦЕНИМЫМ!** Кем? Да всеми: женой, детьми, начальством, друзьями, любовницей и даже собакой!». Многие супружеские пары, например, повязаны на всю жизнь не виртуальным, быстро излечимым, чувством-болезнью «любовь», а именно более надёжной привязанностью на основе: «ценить и быть ценимым». Которое, как правило, всего-то, рождается в сравнении...

Антон, незадолго получивший диплом штурмана дальнего плавания в 23 года, а это в то время значило многое, встретился с Юрием Михайловичем как старпомом, а, стало быть, на равных. Что Ю. М. и подтвердил (каюты – дверь в дверь!), выставив бутылку коньяка с лимончиком и шоколадом: как у людей! Ну как после этого не зауважать такого хорошего человека, рубаху-парня? Ведь до «Окуня» Антону встречаться в работе с помполитами не приходилось, он работал на судах типа СРТ, где 26 «рыл» – сами себе помполиты и душеприказчики. А, как правило, они – ни в бога, ни в чёрта, ни в святую деву Марию...

В рейсе Ю.М. подтвердил своё реноме: он выходил на палубу в рокане и в буксах (проолифенные штаны и куртка) со шкерочным ножом в одной руке, с секундомером – в другой, «беломориной» в зубах и – начиналось представление за столом-рыбоделом, где две шеренги матросов и подвахты ловко шкерили (потрошили и обезглавливали) окуня. Юра, обсыпая (как всегда!) себя пеплом папиросы, одновременно пытался шкерить, говорить, хронометрировать, курить и залиvisto смеяться над шутками и подначками со стороны команды у стола. Над Юрой потешались незлобливо, а он и не понимал разницы между морской подначкой и «полным серьёзом», Помощь его была не в количестве ошкеренных рыбин, а в той весёлой атмосфере, которой он разбавлял монотонную и утомительную многочасовую работу... Народ воспринимал Ю.М. как доброго и незлобливого чудака, заикленного на своей миссии «нести народу веру в светлое будущее»...

Однажды, в кают-компании для комсостава за обеденным столом сидели стармех Афанасий и Ю.М.. Вошли старпом Антон и начрации Алексей. Садясь за стол, Алексей подмигнул Антону и, якобы, закончил начатый ранее разговор:

– Так ты видел, Антон, этот «Орион» пролетел прямо над мачтами?

– Он три раза пролетел над нами, в трёх направлениях, – пояснил Антон действительный факт облёта канадцами нашего судна.

– Так чего там в листовках, которые «Орион» сбросил на палубу?

– Да мне неудобно было спрашивать у матросов. Вроде как предлагают политическое убежище, – едва сдерживая смех ответил Антон, одним глазом кося на Ю. М.

Юрий Михайлович оцепенел. Потом резко бросил на стол ложку и со словами: «Что ж вы меня сразу не позвали!» выскочил из салона.

На палубе матросы прямо валялись от смеха, когда Ю.М. на полном серьёзе стал требовать «сдать ему все до единой листовки», сброшенные самолётом.

Начальник рации Алексей почти ежедневно устраивал в кают-компании концерты, разыгрывая Ю.М. на чём попало, что в голову взбрёт, абы его завести. Например, сидим молча обедаем, но что-то скучно получается. И тогда Алексей, наобум, кидает Юре вопрос:

– Михалыч, а правда, что Пиночет тайный коммунист, подосланный нашими кэгэбэшниками в Чили?

Юрий Михайлович, поперхнулся и его понесло. Он бросил ложку и развернул перед ухмыляющимися, откровенно потешающимися едоками полную политическую ситуацию, не только в Чили, но и во всей Южной Америке. Все уже пообедали и разошлись, а Юра всё продолжал трюндеть вновь вошедшим с вахты. Те пожимали плечами и не могли понять, чего Юру так занесло в Южную Америку?

Но, что бы делала команда без Юры? Месяц на промысле – ладно. Там работа по 16 часов, а остальное – сон. На переход туда – тянучка в пол-месяца, но там – подготовка тралов. а на переходе домой, после адовой работы, чем заниматься?

Так вот Юра, корыстно используя свой статус работника парткома за время стоянки обеспечил судно неплохой библиотекой, набором кинофильмов и даже инвентарём «ДОСА-АФа» – малокалиберной винтовкой с пятьюстами патронами! Он каждую неделю перед фильмами закатывал лекцию, предлагая набор распечаток Общества «Знание» – на выбор. Свою каюту он превратил в цветную фотолабораторию. Прикроватная полка и полка над диваном БЫЛИ УСТАВЛЕННЫ винными и водочными бутылками с различными реактивами. Каюты, естественно, как всегда, – «на распахку», что и сыграло с Юрием Михайловичем, в дальнейшем, злую шутку.

За истекший 1958 год сделали 6 рейсов в Канаду и экипажу было присвоено высокое Звание «Экипаж коммунистического труда». Юра сиял, ведь, без смеха, в то время это «Звание» означало многое: премии, карьера, квартира и даже награды...

Однако, работа РТ «Окунь» на таком длинном плече – «за семь вёрст киселя хлебать» ТОГДА была признана нерентабельной и РТ «Окунь» был передан Мурманскому Тралфлоту. Команда была расписана по другим судам. Уходили все через каюту капитана Владимира Кутузова и первого помощника – Юрия Михайловича Феденёва, где были накрыты столики «а ля фуршет»: рюмка, объятья и хорошие пожелания вослед!

Юрий Феденёв был направлен на принятый с новостроя БМРТ и отправился в Африку.

Эпилог

А через год Антон узнал: Юрий Михайлович Феденёв был исключён из партии и уволен. Причиной быстрой расправы коллег стали два навета и мягкость характера. Писал положительные донесения и характеристики...

Первый навет поступил в партком УЭЛа от «стукачей» ещё с «Окуня» (Юра их «на дух» не переносил!), которые сфотографировали Юрину каюту, уставленную бутылками. Как ни божился Юра, что в бутылках – реактивы, осадочек остался... Тем более, что в парткоме знали о том, что Юра не был «язвенником».

Второй навет поставил точку в его карьере. Он был сфотографирован «стукачами» БМРТ (где он работал первым помощником капитана) спящим, на диване. Рядом стояла бутылка положенного по рациону питания «тропического» вина. На его казённых бежевых шортах (дело было в Африке), пониже спины, была намалёвана корявая надпись суриком «Слава КПСС!» Банка с суриком и кисточка лежали рядом.

...Говорят, что потом видели Юру в редакции рыбацкой газеты «Маяк», где ему, Григорий Фурман, по старой памяти, платил какие-то жалкие гроши, как внешкору, под чужой фамилией (друга Саша Рыжова). В добавление к маминой пенсии...

Однако, Юра не казался сломленным, Он всё также был весел и деятелен. А моряки зауважали Юру по-настоящему: из солидарности...

2. Дмитрий Крылов

1955 год. Голландия. Порт Эймейден города Амстердам. На Нордензее Канале у пассажирского терминала Фелиссон мощные буксиры ошвартовали к причалу итальянский трансатлантический лайнер «Андреа Дориа», прибывший из Нью-Йорка.. Длина – 212 метров, пассажиров – 1240 чел. Экипаж – 570 чел. Гремит музыка, развеваются флаги. На всех палубах радостные пассажиры машут руками...

Тут же, по корме супер-лайнера, без буксиров и без музыки швартуется «пассажир» под советским флагом. Это – наскоро переоборудованный СРТ – средний рыболовный траулер №216, в трюмах которого изобразили подобие многоместных кубриков для пассажиров – перегонных команд из Калининграда.

А утром в Амстердаме вышли газеты под «шапками»: «Борьба двух миров!» А ниже – развёрнутое фото: Супер-лайнер длиной в два стадиона, а под кормой – «букашка» с флагом СССР, – «пассажирский» СРТ 216! Ребята-перегонщики привезли эти позорные газеты в Калининград и вручили, кому следует...

А через год в Штральзунде, Германия, срочно построили три посыльных пассажирских судна, на 54 пассажирских места каждый – «Юг», «Восток» и «Зарница» и передали их Калининградскому Морскому агентству по перегону судов.

В 1959 году на ПС (посыльное судно) «Юг» направили 2-м штурманом Антона. На судне шла суматоха с расселением по каютам прибывших пассажиров – членов перегонных команд, следующих в Штральзунд на приёмку вновь построенных для Союза судов.

Хмурый, с печатью вселенских забот на руководящем челе, капитан Владимир Мазилкин, едва заглянул одним глазом в направление и на внушительный диплом Антона (штурман дальнего плавания!) вручил Антону копию судовой роли и пояснил задачу: всем начислить валюту, согласно прилагаемому штатному расписанию и Приказу.

Не менее хмурый, с постоянно брезгливым выражением лица, старпом Гавриленко поселил Антона в каюте по соседству с помполитом и добавил обязанностей: проверить наличие пассажиров на борту и доложить к отходу. Антон пересчитал всех пассажиров по головам: одного не хватало – моториста Виктора Чужинова. У борта стоял и курил давний друг Антона по прозвищу «Шнур». Антон пожаловался ему: «Через час отход в рейс, а одного „мотормана“ нет на борту!»

– Как фамилия?

– Да Чужинов, Виктор.

– Дак это – я и есть – Чужинов! Ха! Ха!

За пол-часа до отхода в каюту к Антону зашло ещё одно хмурое, словно невыспавшееся создание:

– Шешуков. Я – первый помощник капитана. Мы идём в заграничный рейс с незнакомыми людьми. Вас попрошу внимательно наблюдать за КОНТИНГЕНТОМ пассажиров. А в случае чего – дать мне «сигнал»., – процедил он не разжимая зубов.

– Какой «сигнал» я должен давать? И в каком таком «случае»? («Господи, и откуда их берут, таких уродов?») подумал Антон), В Морагентстве случайных людей нет, – Антону стало понятно с кем он имеет дело...

Зашёл в каюту 3-й помощник капитана, Евгений Иванов, присел.

– Женя, как с такими работать будем? У них у всех видуха, как буд-то я им крупно задолжал. Они постоянно такие надутые индюки?

– Дело в том, что они – капитан и старпом – «расстриги»... Так их называют за спиной. Это – несостоявшиеся офицеры, которых Хрущёв турнул прямо на выпуске из училищ. Они безумно рады, что попали на суда заграничплавания и грызут землю, чтобы их не турнули

из Морагентства. А рожи у них такие, потому что им пришлось начинать с третьих помощников. При их амбиции-то, погонах и кортиках... А помполит пришёл к нам недавно, он был секретарём парткома в животноводческом совхозе в районе. «Сибирский валенок», с ним ещё намучаемся. Сталинская закалка.

Утро в Штральзунде было солнечное и тёплое. На палубе собрались свои члены экипажа и пассажиры. Все были одеты нарядно и даже по-заграничному модно: пиджаки-букле, цветные галстуки, узкие брюки... Ночью посмотрели фильм «ЧП» (Чрезвычайное происшествие) о задержании нашего танкера «Туапсе» на Тайване. Там был эпизод, когда к морякам выскакивал мистер Соколов (русский эмигрант) и уговаривал русских моряков с танкера остаться на Тайване. Он выскакивал на авансцену со словами: «Здравствуй, дорогой соотечественник!» Вот моряки и здоровались утром на палубе, в шутку, словами мистера Соколова.

В это время на палубу вышел помполит. Он придиричиво осмотрел моряков и заявил: «В таком безобразном виде никто на берег не сойдёт! Стиляги, понимаешь! Позор! Переодеться и построиться. Я лично буду проверять каждого!»

И, вдруг на палубу ворвались из громкоговорителя мощные ритмы «Стэнд бай буги!» Это начальник рации Валя Лебединский поставил свою любимую пластинку «Буги-вуги».

Помпа оцепенел. Потом завращал головой: откуда несётся такая крамола? И увидел бегущего ему навстречу Валу Лебединского с протянутой для приветствия рукой:

– Прекратить! – заверещал помполит, он понял, чья это проделка.

– «Здравствуй дорогой соотечественник!» – налетел на помпу Валя с фразочкой провокатора-эмигранта Соколова из фильма «ЧП». Валя схватил помпу за руку, якобы в приветствии и, на полусогнутых ногах, начал таскать помполита по палубе в диком плясе «Буги» вокруг него. Помпа энергично пытался выдернуть свою руку. При этом Валя отпускал её, но потом тянул на себя и выходила точная имитация экстаза в танце!

– Ребята, снимайте нас скорее! Сфотайте, как наш помпа «бацает» на палубе «Буги»!, – кричал Валя морякам. Ребята защёлкали аппаратами... Помпа, наконец вырвал свою руку из валиной ладони: «Я счас всё доложу капитану!», – кипел он, убегая.

Навстречу ему двинулся Виктор Чужинов (Шнур):

– Ты шпионил за нами. Высматривал на столике отпечатки от стаканов! Нюхал воздух в каютах на запах алкоголя! А вот теперь мы отправим в партком снимки, как ты на палубе танцуешь «Буги-вуги»! Правда, ребята?

Помполит «под парами» влетел в каюту капитана.

– Ставлю вас в известность, что я не дал разрешение на увольнение нашего экипажа и ... этих... пассажиров на берег, потому что они одеты безобразно, как стиляги! – выпалил он и сел на диван, выжидательно глядя на капитана.

И тут у капитана Мазилкина вырвался но волю офицер военно-морского флота:

– «Встать!» – строго приказал Мазилкин. Сам встал, вышел из-за стола и подошёл к помполиту: – Если вы не снимете военный китель, галифе и сапоги, то на берег я не пушу вас! Кого копируете? Члена политбюро? В стране пребывания надо одеваться так, как одеты все и не выделяться, вам ясно? Увольнение экипажа и пассажиров я РАЗРЕШАЮ! Вопросы есть? Нет? Выполняйте!»

В экипаже на учёте было семь коммунистов, включая помполита. – секретаря партгруппы.

По возвращении из каждого рейса в Польшу, Германию и Финляндию, а это получалось почти каждую декаду, Шешуков собирал партийное собрание с одним и тем же вопросом: о нарушении «Правил поведения советского моряка за границей». Расклад выходил всегда такой: трое сидят на «скамье подсудимых», а остальные – трое, плюс закопёрщик-помполит – судят их. За что? За одно и то же: опоздание из пресловутого увольнения и запах (!) спиртного.

На следующий рейс тройки менялись местами. Но, увольняли «тройками», стало-быть, сразу половина парторганизации, а то и вся сразу (!) попадала на «цугундер» бдительному совхозному вождю.

Наконец, капитану Мазилкину это не просто надоело. В парткоме стали «чесать репу» и теревить его: в чём дело? На двух других посыльных судах «Восток» и «Зарница», где капитанами – две бабы (невиданное дело!) – Лилия Егоркина и Галина Кучеренко экипажам уже давно было присвоено высокое Звание «Экипаж коммунистического труда», о чём сообщала надпись от борта до борта по лобовой надстройке каждого судна. Почёт и уважение!

А с «Юга» идут пачки протоколов о нарушениях не просто дисциплины, а «Правил!» О валютных операциях! Каких? Таких, за нарушение которых не только запросто закрывают «семафор», но и ...расстреливают...

И тогда Мазилкин поставил в парткоме Морагентства вопрос: или – я, или этот свинопас Шешуков. Начальник Морагентства Устьянцев поддержал капитана и Шешуков исчез..., чтобы вынырнуть ...на приёмке номерного рефрижератора в Копенгагене (Дания). С месячными командировочными в кронах... Стая своих не сдаёт!

А на «Юг» пришёл новый помполит, Дмитрий Иванович Крылов из демобилизованных офицеров военных лет, не успевших получить образование. В спешке, они проходили краткосрочные курсы и уходили на фронт. А там уже им присваивали звания не за дипломы, а за дела... После войны эти офицеры стали не нужны, валом валил молодой подросток из училищ. Так Дмитрий Иванович, после трёхмесячных курсов первых помощников капитанов, был направлен на «Юг».

Знакомство настороженного Антона с новым «помпой» произошло сразу, по выходу из Калининграда в порт Штральзунд.

Антон учуял из соседней каюты запах спиртного. Это была каюта помполита.. Антон постучал: «Можно?» «Входите!» послышалось из-за двери. Антон увидел помполита в кресле, пред ним лежала раскрытая книга и стоял наполовину наполненный стакан с жёлтой жидкостью.

– Хочу дать вам «сигнал»! Так нас поучал ваш предшественник! – сказал Антон.

– Какой ещё сигнал? – Удивился новый помполит.

– Да вот кто-то употребляет рядом, чую запах сивухи, но ещё не определил – кто?

– Садитесь! – пригласил Антона Дмитрий Иванович и потянулся к графину в настенном держателе. Там же взял свободный бокальчик. Плеснул. Из ящика достал блюдо с нарезанным лимоном и сказал: «Дёрни-ка, чтобы у тебя нюх отшибло раз и навсегда – я имею ввиду чужие каюты!»

– Что ж! Это – по нашему! Ваше здоровье! – И Антон, по-русски, одним глотком, осушил бокальчик с коньяком.

В порту Штральзунд Дмитрий Иванович подозвал проходящего мимо его дверей Антона.

– Антон, я в город не пойду. Я здесь воевал поблизости, брал Росток и был ранен. После излечения служил в Варнемюнде и после войны. Не хочу волноваться. Ты купи, пожалуйста, мне две бутылки «Кёрна» (водка из кукурузы) и пару пачек сигарет для друзей. На остаток купи моим дочкам какую-нибудь парфюмерию. На твой вкус. А жене – пачку иголок для швейной машины «Зингер»...И Дмитрий Иванович вручил Антону всю свою валюту. Антон, уже «от себя» взял Дмитрию Ивановичу и блок (6 бутылок) пива «Козёл» убойной крепости и замечательно мягкого вкуса....

Партсобрания с разборками после каждого рейса прекратились. Зато почти каждый месяц у кого-то из членов экипажа случался день рождения. И тут первый помощник брал организацию на себя. На камбузе шеф изготавливал огромный, на 26 персон, торт. В кают-компаниях накрывали к ужину торжественный стол (с вином!) и Дмитрий Иванович вручал

имениннику ценный (без преувеличения!) подарок! Дарили дублёнки, магнитофоны (ещё та редкость!), наборы пластинок «Филлипс», модные костюмы и обувь. «Откуда деньги? Зин?»

А всё дело в русском обычае: закусывать рукавом, а, в лучшем случае, – огурцом. Таким образом, полста пассажиров в день отхода не питались, а только брали на камбузе что-нибудь на закуску. А в день прихода убегали в город по своим делам и пароходам. Примерно, пять рейсов в месяц! Экономия продуктов за месяц тщательно подсчитывалась вторым помощником и цифра вручалась помполиту. А тот в валютных магазинах «Интербазар» в Штральзунде или «Балтона» в Гданьске готовил подарки очередному имениннику. Собственной валюты на такое у них не набиралось за такие короткие рейсы. Через несколько месяцев экипаж т/х «Юг» был удостоен высокого звания – «Экипаж коммунистического труда»!

О чём это говорит, если одни и те же люди были оценены противоположными критериями? Это говорит о том, что эти «Высокие Звания» – полная туфта и игра в бирюльки! Ну, и – замануха, конечно! Люди принимают условия игры, значит будет полный «одобрямс!» Ну, а в масштабе страны – тишь и благодать, как в болоте...

В Морском Агентстве нет ничего постоянного, все кадры находятся в движении. Дмитрия Ивановича Крылова направили в город Николаев принимать с новостроя на заводе им. Носенко БМРТ «В. Арсеньев» назначением в Находку, на Дальний Восток. По пути предполагалась трёхмесячная остановка в Коломбо, на Цейлоне. Антона направили на перегон парового траулера из Кронштадта в Мурманск вокруг Скандинавии. Но речь не об Антоне.

Прибывшая в город Николаев калининградская команда перегонщиков с удивлением обнаружила там, в гостинице «Миколайив», такой же (но без рядового состава!) экипаж перегонщиков из Владивостока, самостийно направленный «Дальрыбой»!

Причём, все судоводители, вплоть до 4-го помощника капитана, были с дипломами капитана дальнего плавания (высший морской диплом), а механический состав – с высшими механическими дипломами!

Разгадка ситуации была с простым ответом: рейс был не просто блатной, а – «золотой». На «Арсеньеве» шли учёные Калининградского рыбного института – профессор Пробатов «со товарищи» для трёхмесячной помощи Шри-Ланка (тогда – Цейлону) в обследовании рыбных ресурсов в прилегающей акватории. После чего БМРТ «В. Арсеньев» заходит, естественно, в Сингапур («отоваривается» по полной!) и передаётся, после всего, судовладельцу в Находке.

На какие «пироги» раскрыла варежку «Дальрыба», направив своих поголовно «блатных» приёмщиков, упредив монополистов перегона – Калининградское Морское агентство, было всё понятно: богатые «хабары» (подарки – они так назывались тогда).

Но «Дальрыба» нарушила святое: все перегонные команды Калининградского морского агентства направлялись за границу, будучи проверенными до седьмого колена и находящиеся под неусыпным надзором КГБ. Никто вмешиваться в этот государственный процесс не имел права. И брать на себя такое – это уже пахло бунтом, своеволием и самоуправством!

Поступила команда из КГБ Калининграда: дальневосточников немедленно вернуть домой на свой Дальний Восток, а посягнувших на святое корыстных начальников в Дальрыбе – строго наказать.

Однако, просидевшие последние штаны в чужом «Миколайиви» охотники за шмотками и коврами, все в долгах и в жутких тратах, пришли в ужас! Они готовы были покончить с собой, но только не возвращаться с долгами домой. Жёны ведь не пустят на порог дома без шуб и гипюра!

И тогда дальневосточники пошли на крайний шаг: они слёзно упростили представителя Морагентства в Николаеве оставить их на судне на рядовых должностях: прачка, матрос-уборщик, дневальный... Благо из Калининграда рядовые ещё не прибыли, их присылали к отходу, и штатные места были свободны. Не предполагая какую пороховую смесь он благо-

словил, представитель Моргентства, из сострадания к бедолагам, разрешил капитану оформить на должность ПРАЧКИ и матросов – уборщиков дальневосточных капитанов дальнего плавания и на должность мотористов – механиков первого разряда...

Что происходило в рейсе на этом плававшем террариуме пять с лишним месяцев не передать словами. Капитан Борис Иванов поседел...

Но, когда судно встало на якорь в бухте Находка, третий помощник Олег Касьянов (Дока по части «купи-продай»!) вспомнил знакомых оптовиков и моряки попытались на шлюпке, ночью, вывезти барыгам тонны ковров и покрывал. Однако, осведомлённые земляками таможенники были начеку и на хате у барыги была устроена засада. Таможенники не только изъяли всё, нажитое непосильным трудом и закупленное в Сингапуре. Они изъяли всё, вплоть до зажигалок, но и направили в КГБ Калининграда соответствующие бумаги на закрытие визы, почти всем гордым и спесивым калининградским перегонщикам... Отыгрались за унижения по полной!

Находкинские таможенники не были патриотами. Отнюдь! Они просто обязаны были отреагировать на «сигнал» собственного стукача в команде БМРТ. Они и отреагировали: отобрали всё БЕЗ ПРОТОКОЛОВ за обещанное морякам «шито-крыто». Ха! Нашли кому верить!

В Калининград добирались на деньги, присланные жёнами! Вот те на! А некоторым пришлось на выпивку добывать деньги в пункте пересадки – Москве необычным способом: какой-то умник присоветовал и они гурьбой сдали кровь в донорском пункте. За ничтожные деньги... После чего, хором завалились в пивной бар... Так, что добирались домой отнюдь не королями, а... с некоторыми трудностями...

В Калининграде уже давно, где положено, лежали бумаги и от стукачей с борта БМРТ и с таможни Находки... Не было только ни слова от первого помощника капитана Крылова Д. И.!!!

А, если точнее, от него были бумаги! Но это были РАСПРЕКРАСНЫЕ характеристики всем членам экипажа. И даже – коварным дальневосточникам.

Доброта – хуже воровства! Так гласит почему-то русская пословица. Хуже для кого? Для доброго человека? Неправда! Доброму всегда зачтётся по Закону Всемирного Равновесия: «если ты потерял в рублях, то тебе придёт в здоровье или в любви, или в уважении близких...» Да мало ли в чём! Главное, – тебе зачтётся! Ведь «Не оскудеет рука дающего» – кто сказал, Боженька? Стало быть, Боженька – не дурак, он уже, раньше всех, уловил Закон Равновесия.

Эпилог

В стороне от неприятностей на берегу остался только старик – профессор Пробатов. Он всю валюту истратил на молодую (и, как оказалось – неверную!) жену.

А Дмитрий Иванович Крылов был исключён из партии и уволен с «волчьим билетом» (нехорошей записью в трудовой книжке!)

Однако, след его в Калининграде позже обозначился... в качестве капитана-директора БМРТ «Перламутр». Каким образом? Секрет руководства рыбацкой отраслью... Опытные рыбаки на земле не валяются...

А с партийной конторой было покончено навсегда: «Не по Сеньке оказалась шапка!»

3. Феликс Устинов

Ещё ни один человек не сказал:

«Господи, ну какой же я подлец!»

Юлий Гусман

Что такое «случайность»? Закономерна ли она?

Так вот: оказывается, случайность – закономерна. Почему? Да, – потому, что она могла НЕ ПРОИЗОЙТИ, но могла И ПРОИЗОЙТИ. А раз вероятность существовала даже с ничтожным процентом, значит случайность – закономерна! Потому что алгоритм нашего поведения, приводящего к случайностям, продиктован строго математически миллионами предыдущих поколений. Чтобы убедиться в этом, достаточно проанализировать любую случайность. Были ли варианты другого решения вопроса? Были! А они не сработали вследствие вашего выбора...

Феликс Устинов, любящий муж и молодой отец летел на крыльях в любовный альков после трёхмесячного обучения (полуголодного существования!) на курсах первых помощников капитана в городе революции – Ленинграде.

Нет, он, конечно, не летел, а ехал на поезде в Калининград. На билет едва наскрѐб, пришлось даже подзаянть, под «честное помполитовское», у «слушателей» из местных.

По пути следования поезда из разных купе стали разноситься чудные запахи алкоголя, жратвы и даже песни... А у будущего «царедворца» давно во рту – ни маковой росинки и только – голодное бурчание в животе...

А теперь – вот об тех самых «случайностях», которые где-то даже – закономерны! Ну не мог же Боженька оставить молодое помполитовское пополнение истекать слюной вокруг повального обжорства!

Поезд стоял в Вильнюсе целых 30 минут. Народ повалил в ларьки и ресторан. Но Феликс тоскливо смотрел в окно: идти на перрон было не с чем, в кармане осталась мелочь только на трамвай...

И, вдруг! (Вот она! Случайность!) Он увидел, что его давний сослуживец Слава направляется с саквояжем и авоськой с бутылками пива в руке к ступенькам его вагона на посадку!

Феликс бросился бегом в тамбур. Слава уже прошёл фэйс-контроль у проводницы и поднимался в тамбур.

– Славка, привет! Ты – в Калининград? Вот удача!

– Феля? Ты? Ну – да! В Кёнигсберг! Точнее – в Гвардейск. Я сейчас там живу и работаю. Мы сколько не виделись? – Славка бросился обнимать Феликса.

В купе Феликса оказалось свободное место и они мигом решили вопрос с местом у молодой проводницы – Славу определили в купе к Феликсу!

Поезд тронулся и Слава открыл объёмистый саквояж! Кроме шикарной закуси, остальное содержимое составляли – бутылки! Ха! И кто скажет, после этого, что нет на свете Бога?

Остальная дорога от Вильнюса и до славного города Калининграда была сказкой, которая, к сожалению, как и все сказки, быстро закончилась.

Выходя из Южного вокзала, Феликс хотел было направиться к остановке трамвая, но Слава остановил его:

– Феля, ты куда? Пошли, возьмём такси!

Когда сели в такси, Слава спросил: «Тебе куда, Феля?»

– На Красную или на Офицерскую, где тебе будет удобно, там и выкинь меня. Я – без вещей, только наплечная сумка. – застеснялся Феликс обременять друга, которому ещё предстояло ехать 30 километров в районный городок Гвардейск.

– Ха! Так и мне тоже на Красную! Во! Удача!

– А ты в какой дом, Ты же говорил, что тебе – в Гвардейск? – удивился Феликс.

Красная, 21, квартира 3. Да я не живу там. У меня там... старая любовь... Подружка, одним словом. Я же – холостяк! А живу я с матерью в Гвардейске и работаю на зоне, в исправительно-трудовой колонии. Начальником отряда. Я же тебе в поезде уже всё рассказал. Я у подружки переночую, а завтра – домой!

Феликс молчал. Он – думал! Ведь его друг Слава назвал адрес своей зазнобы!

Это был – его собственный адрес... (Случайность? Закономерность? Чего в этом деле больше?)

На звонок дверь открыла жена Феликса Света. Она замерла. И молча смотрела на добродушно-гостеприимного Славу и тоскливое выражение лица у мужа.

– Вот, Света, друга встретил в поезде! Феликс! Мы сейчас примем на посошок и потом разбежимся. Ты не возражаешь? – засуетился Слава.

– На счёт «посошка» – не возражаю... А – «Разбежаться», повидимому – придётся. Так, Феликс Дмитриевич? Я – права? Проходите!

– Да, – нет! Спасибо за гостеприимство. Не стану мешать. Я, конечно, зайду за вещами, но в другой раз... – спокойно отверг приглашение Феликс.

Слава туго, соображая, кажется, что-то стал понимать...

Молодой помполит был направлен сразу на проблемный участок работы: на пароход «Советская Гавань». А проблема состояла в том, что эту громадину, судно грузоподъёмностью в десять тысяч тонн, УЭЛ, Управление экспедиционного лова, арендовало в БГМП, в Балтийском Госморпароходстве, по договору «тайм-чартер», т.е. – на временное использование, а, стало быть, вместе с родным экипажем.

Этот «родной» понятия не имел, что он должен делать, чтобы бесперебойно и даже в непогоду (до 6 баллов!) не только швартовать-отшвартовывать 4 судна, одновременно стоящие под бортом, но и на всех четырёх судах, прыгающих под бортом, как поплавки, вести грузовые операции круглосуточно и в максимальном темпе!

Максимум, на что был способен «родной» экипаж, это – стоять вахту на руле, изредка суричить прямо по ржавчине и, главное, – отоваривать скромную валюту для максимального гешефта в условиях тотального дефицита.

Прознав ещё в Ленинграде, с чем им придётся столкнуться работать в новой ипостаси, большая часть экипажа залегла по больницам, а также списалась с судна всвязи с тяжкими болезнями бабушек, дедушек и даже ненавистных тещ. Взамен им пригнали кого? Правильно! – Бичей. (В отличие от «бомжей», это – резерв кадровиков, но – маловостребованный.)

А тем было всё «по барабану», «абы – гроши, да харчи хороши», ибо ничего делать они не умели. А, главное, – не хотели ни уметь, ни делать, рейс то – безвалютный... А оклады в БГМП были такие же, как в ЖКО, только у дворника оклад был чуток повыше, а рабочий день втрое короче. И – никаких тебе штормов, разве что – жалобы бесправных придурков – жильцов во время запоя дворника – разгрузки от нервных перегрузок.

Выход был простой, но он влёл за собой такие же последствия, как если бы объединить в одну кучу волка и трепетную лань! – Высадить на «Совгавань» свои кадры!

Однако, получалась – коммунальная кухня в худшем варианте, потому что на кону стояли бабоньки. И женщины, конечно, – тоже, но перво-наперво те самые «кровные», которые, согласно паям приходились в равной мере как бичам, так и десанту из калининградских спецов. А на борт были брошены дополнительно: первый помощник капитана, старпом и второй помощник (грузовой), начпрод (снабжать суда продуктами), врач, боцман, швартовная команда матросов, лебёдчики и... – яблоко раздора – примерно тридцать женщин, приёмщицы рыбы и рыбообработчиц. Численное превосходство было на стороне оккупантов, но за спиной малопригодного контингента стоял капитан с престижем хозяина – БГМП!

Вот в такую «сборную солянку» и был направлен Феликс Устинов мудрецами из парткома со злонамеренным расчётом: «А вот пущай эти молодые и приткие попробуют почём фунт лиха. А то мечтают на боку лежать и деньгу загребать за туфту в политдонесениях! А результаты, они будут в платёжке, в конце рейса. Вот!»

Пароход «Советская Гавань» типа «Либерти» (тип, названный так самим президентом Рузвельтом!, что в переводе означает – «Свобода») был по возрасту ничуть не моложе самого помполита Устинова. Но, это чудо техники было непревзойдённым достижением конструкторской мысли и технологии. Условия военного времени потребовали срочно восполнить тоннаж, утраченный боевыми действиями германского подводного флота и минной войной. И США блистательно справились с этой суперзадачей: с 1941 по 1945 год было построено 2711 судов типа «Либерти»! А в 1943 году производство было так налажено на конвейере, на 170 верфях, что США выпускали по 100 судов в месяц! В потоке их строили за 42 дня каждый, строго по графику.

США превзошли даже немцев, которые спускали на воду ежемесячно по 20 субмарин. И за годы войны, в условиях бомбёжек и тотального дефицита сырья и рабочих рук построили 1113 подлодок, способных пересекать океан. Туда и назад без дозаправки.

А рекордный «Либерти» «Роберт Пири» был построен в США за...4 дня!!! Этот рекорд не перекрыт до сих пор.

Для сравнения: в Комсомольске-на-Амуре подводную лодку «Нерпа» строили 19 (!) лет, после чего ТРИ года сдавали индусам... с жертвами... И как только индусы согласились арендовать такой хлам? (Полный «абзац»!)

«Либерти» это – не сейнер, а судно длиной 130 метров, шириной – 17 метров. И при мощности паросиловой установки всего в 2,5 тысячи сил (мощность гоночного «Феррари»!), оно развивало скорость до 11 узлов! Строили их с задачей доставить в место назначения 10000 тонн военного груза и, тем самым, окупить затраты на постройку. И, что немало удивляло, эти суда были весьма комфортно отделаны и оборудованы красивыми, под дерево, негорючими материалами.

Несмотря на уготованный им короткий век, эти трудяги отработали во всём мире по 50 лет. А во Владивостоке, например, жлобы из административных руководителей Дальрыбы и ДВ пароходства продали в Китай на металлом даже «Либерти» «Александр Невский» – УТС – учебно-тренировочное судно мореходной школы... На нём ещё проходило обучение по спасательным средствам и другим делам и всё ДВ пароходство. Но кто-то возжелал халявные доллары и «Невский», как и БТО (Базу технического обслуживания) «Одессу» дураки (или умные подлецы) загнали умным китайцам за копейки! Для сравнения: в США 434 судна типа «Либерти» законсервированы в качестве «Резервного флота США».

С чего начинается знакомство с судном? Да со знакомства с его обитателями. Устинов, зайдя в каюту матросов поразился: как их не повесили за одно место пароходские партийцы и жёны. Все переборки были оклеены, как обоями, вырезками из эротических журналов. Под вырезками красовались подписи: «Эльза», «Рита», «Регина» и т. д. А под ними красовался лозунг: «Наши зарубежные встречи!» Это, конечно, была шутка, но она была не в духе строителей светлого, коммунистического, пуританско-бесполого будущего, когда дети будут рождаться в результате непорочного зачатия. Устинов улыбнулся: «Мне бы ваши заботы» и вышел из каюты...

Как обычно, недельный переход на промысел в район Фарерских островов или к берегам Исландии занят до предела подготовкой тары к приёму груза, изготовлением швартового хозяйства, проверкой грузовых стрел и такелажа. А после ужина – собрания и инструктажи по заведованиям.

Когда старпом Юрий Матюхин объявил собрание всего экипажа для общего инструктажа по технике безопасности, вышла закованная с основным экипажем. Те наотрез отказались выслушивать «ваши рыбацкие дела, которые нам по батабану!»

К капитану Михаилу Зиновьевичу Соркину, по пароходским законам – лицу первому после Бога, а, стало быть, – неприкасаемому, – обращаться не стали.

Просто, Феликс Дмитриевич объявил по трансляции, что вначале будет разъяснительная лекция об оплате труда, рейсовом задании и истории нашего судна.

С кривыми ухмылками, как бы делая большое одолжение «анархисты» (Основной экипаж или, сокращённо – «ОЭ», а их на пароходе – 45 человек!) собрались в столовой команды вместе с доп. экипажем – ДЭ).

Феликс подготовился к лекции основательно. Он, во-первых, сообщил, что оплата труда будет повременнo-аккордная всему экипажу без разделения на своих и чужих. Это означает, что все будут получать зарплату, согласно штатам, но, кроме того, все поголовно будут получать ещё и «с хвоста», т.е. за погруженный груз, по паевой системе. Матрос имеет один пай, моторист – имеет 1,2 пая и – по нарастающей.

Сообщение очень заинтересовало аудиторию, они наостригли уши.

Далее, Феликс рассказал им историю судов типа «Либерти». О том, что каждый из них, прежде чем оказаться в России, испытал ужасы торпедных и воздушных атак на ледяных просторах Северной Атлантики и Тихого океана... Почти 250 из них – погибли. А 40 единиц были переданы СССР.

Особо их рассмешил курьёзный случай в 1943 году, в Лонг-Биче (США), когда на борт прибыли советские приёмщики судна в лице капитана Анны Щетининой, и с нею – всего 3 механиков. Остальных ещё предстояло набрать.

На трапе стоял полицейский. Когда прибывшие объяснили ему цель визита, он вручил Щетининой два пакета и сказал:

– «Хеллоу, капитан! Вот вам ключи. Маленькие – от ящиков, большие – от дверей. До свиданья! Желаю удачи!» и отбыл. Вместе с ним отбыли и три кочегара. На этом приёмка судна и завершилась!

Вступительная лекция произвела на весь экипаж сильное впечатление. Но, когда старпом Матюхин стал зачитывать «ОЭ» что можно, а чего нельзя, они возмутились:

– У нас у всех есть удостоверения о прохождении инструктажей по ТБ!

– На палубе будут обозначены белой краской опасные зоны, в которые разрешено заходить только швартовщикам, – резюмировал Матюхин.

– Ещё чего! Запретите ходить по палубе, летать нам что ли? – стали роптать ОЭ.

Очень скоро им пришлось убедиться воочию, как всё серьёзно и опасно. В первую же неделю при работе в свежую, до 5 баллов, погоду лопнул носовой швартовый конец у ошвартованного по правому борту среднего рыболовного траулера (СРТ).

Швартовый конец представляет собою систему, в которой посредине, одну треть длины, занимает капроновая петля, к которой скобами крепятся с обоих концов стальные тросы с петлями-огонями на концах. Капроновая петля, как пружина, играет роль амортизатора. В данном случае, трос лопнул на кнехте у СРТ и вся эта система сработала, как праща в сторону палубы плавбазы... На палубе в это время боцман с плотником и матросами готовили к заводке дополнительный швартов...

Стальной конец просвистел по палубе базы и... отрубил голову плотнику... Боцману сломало ногу...

С берега в штаб пришла радиограмма: «Создать комиссию, оформить документы согласно положению о расследовании несч. случаев. Покойника и пострадавшего отправить первым, отходящим в порт СРТ. Предоставить материалы о наказании старпома Матюхина.»

Этот случай потряс и... сплотил экипаж.

А задача выполнения рейсового задания усложнилась до предела: настал период безрыбья. По плану предстояло принять 10000 тонн сельди в бочках, что, примерно, составляло около ста тысяч бочек. А в сутки подходили одно-два СРТ, что было явно недостаточно, почти простой базы. Рядом стояли другие наши базы и чужие плавбазы литовцев, латышей, эстонцев, мурманчан.

И тут в дело вмешался «Господин случай»!

Дело было так: к борту пришвартовался СРТ на выгрузку и капитан этого СРТ Анатолий Грицаенко поднялся на борт базы «Совгавань». Он зашёл к старпому Матюхину и попросил у него выписать вместе с продуктами питания пару бутылок вина, потому что у него сегодня день рождения – ровно 30 лет! И подал паспорт.

Матюхин знал, что начпрод принял у предшественника продукты и остатки тропического, после рейса в тропики, вина в количестве 3 тысяч бутылок. По рыбацким правилам прерогатива распоряжения спиртным возложена на капитана.

Исходя из этого, Матюхин взял у капитана Грицаенко паспорт и отправился к капитану. Он вежливо объяснил Соркину ситуацию и попросил его дать записку для начпрода о выдаче двух бутылок вина по счёт-фактуре или по «магазину».

И, вдруг, всегда вежливый Михаил Зиновьевич, завизжал, срывая голос до фальцета: «Да как вы смеете?»

– Ну – нет, так – нет, а зачем же так волноваться из-за таких пустяков, – растерялся Матюхин и направился к двери, на выход.

– Вернитесь! – тоном пониже обратился капитан к Матюхину. – Вы меня не так поняли! Вы – хозяин на судне. Так что же вы себе позволяете приходить ко мне по поводу каких-то бутылок, какому-то капитану. Извольте сами принимать такие решения. А коль боитесь сами, то подключите комиссара! Всё. Идите.

– О'Кэй! Спасибо, – Матюхину польстило такое доверие.

Он написал записку начпроду сам: «Выдать КМ Грицаенко тропическое вино по бутылке за каждую сданную тонну»!

А идею подсказал помполит Феликс Устинов! «Раз это вино лежит без толку и портится в провизионке, так отдадим его морякам. Здесь – не тропики, здесь – хуже!» – посоветовал Устинов старпому.

Они вдвоём проинструктировали капитана Анатолия Грицаенко, как он должен оповестить все флотилии, всех, и своих и чужих, на аварийной частоте 500 кгерц, что сдача груза на «Совгавань» будет презентована по схеме: одна бутылка за каждые пять тонн. СРТ подвозит 50 тонн в каждый подход, вот и получай свои 10 бутылок вина. На 26 человек экипажа – это не пьянка, а церковное причастие!

Что тут началось...

Все базы стоят на простое, а у борта «Совгавани» – очередь!

В принципе, допускалась по закону сдача груза на любую плавбазу, имеющую свободный борт. Но тому, что происходило на видимости друг у друга, капитаны плавбаз и штабы флотилий объяснения не находили... И они обратились за разъяснениями к начальнику Калининградской флотилии Дмитрию Петровичу Камкину

Камкин вызвал на секретную частоту капитана Михаила Соркина: «В чём там у вас загадка, почему все ринулись сдавать рыбу только вам? На вас жалуются соседи!»

– Это всё ваши люди безобразничают, я не в курсе, как они приманывают СРТ! – стал отнекиваться трусоватый Соркин.

– А кто там у вас верховодит на грузовых операциях? – спросил Камкин.

– Дак ваш старпом Матюхин. Они с помполитом Устиновым сидят на связи с флотом и приглашают к борту на разгрузку... Устанавливают очередь.

– Ну, тогда всё в порядке! – сделал заключение Камкин и вопрос с «контрабандой» отпал.

Вместо двух месяцев по плану, взяли полный груз, при полном безрыбье, за полтора месяца и пришли в порт Калининград с почётом.

Когда старпом стал раздавать зарплату в своей каюте, многие из ОЭ боялись расписываться в ведомости и получать деньги. – «Это какая-то ошибка. Слишком много. Я боюсь, потом буду высчитывать!» – заявляли они.

Первый помощник капитана Феликс Дмитриевич Устинов ещё долго работал на «либертосе» «Совгавань» и о нём шли очень лестные отзывы.

Но, спустя два года, Антон, бывший второй помощник с «Совгавани», встретил на проходной в рыбпорт Феликса. Его не пропускали охранники из милиции без пропуска.

И не мудрено: Феликс был одет в эковскую телогрейку, хэбэшные штаны и обут в рабочие «гады». Он был небрит, исхудавший, с поблекшим взором.

Антон провёл его на своё судно. Помыл, передел и накормил. Дал денег.

Феликс пояснил, что он только сегодня вышел из лагеря. Его исключили из партии и посадили на зону по навету жены. После развода с ней, он, по её настоянию, платил алименты живыми деньгами и покупками. У него на руках не оставалось квитанций...

По совету добрых друзей, его неверная супруга, с помощью тех же друзей-свидетелей засадила Феликса в тюрьму «За неуплату алиментов». Была в нашем УК РСФСР такая статья.

Партком при этом не просто умыл руки. Из парткома пришла в суд плохая характеристика: Феликс был слишком самостийный...

– Ты не поверишь! Только на зоне я вздохнул полной грудью воздух свободы! Парадокс? Да! Но там не нужно лицемерить и лгать: думать одно, говорить – другое, а делать – третье... Господи! Каким же подлецом я был в той, «номенклатурной» жизни! А сейчас я просто счастлив, как никогда, – сознался Феликс Антону за рюмкой водки...

Женщину на судно не пущать!

*Морские были
Женщину на судно не пущать!
А ежели пущать, то по числу команды!*
Из указов Петра I

1. Соня Бляхер

Капитаны дальнего плавания Сергей Чернега вместе с Николаем Волоховым и Михаилом Щеголютиным прибыли в ещё пахнувший порохом, в развалинах, Кенигсберг, когда он не был ещё, как говорится, – ни к селу ни к городу, – окрещен вторым Калининградом. (Ведь таковой уже был аж с 1938 года!)

Они были направлены по заявке Минрыбхоза из БГМП (Балтийское Гос. мор. пароходство) для командования огромными транспортом, оборудованными под плавающие базы для приемки рыбы в открытом море.. Эти базы Минрыбхоз вынужден был приобретать – растущий рыболовный флот выходил в мировой океан и там требовалось снимать с промысловых судов выловленную рыбу.

А, пока мы довольствовались арендованными в Польше крупнотоннажными транспортом «Нарвик» и «Тобрук», на флот, в Калининград, стали прибывать свои плавбазы. Первым привел в Калининград транспорт – пароход «Тунгус», типа «Либерти» (постройка в США, 1943 г. Нью-Арк, грузоподъемностью в 10000 тонн), капитан Волохов, да так и остался на нем работать. Следом прибыл арендованный у БГМП пароход «Томск» и стали прибывать суда с новостроя. Требовались опытные капитаны, умеющие делать перегруз в океане, а это дело очень не простое, Атлантика в районе Фарерских островов, Исландии, Ян-Майена, за Полярным кругом – спокойной практически не бывает.

Тогда, в начале шестидесятых, в Калининграде можно было по пальцам одной руки пересчитать капитанов дальнего плавания, а диплом КДП – был равнозначен, если не больше, диплому о высшем образовании... Не говоря уже о загранпаспорте моряка, с отпечатком большого пальца правой руки на титульной странице! Мечта моряка!

Но, даже у таких известных и уважаемых людей, как капитан Чернега Судьба может быть непредсказуема, потому что он – капитан, один в ответе за экипаж и судно – источник повышенной опасности и риска... И повернуться она, Судьба, к нему ...спиной может в один миг...

Вот он сидит в каюте, читает любимую книгу, все спокойно, всё и вся работает в обычном ритме, ровный гул работающего главного двигателя – предательски успокаивает, но...

ЭТО – уже произошло...

Это – или у себя в каюте умер человек; или вахтенный штурман сделал поворот на новый курс раньше времени (не учел другой масштаб карты!) и до подводной каменной гряды осталось четыре кабельтова, когда не поможет уже ни задний полный ход, ни отдача якоря; или где-то там, глубоко, в трюме произошло самовозгорание, но не сработала от старости пожарная сигнализация; или Это – многое другое, что сопровождает моряка в открытом море, не говоря уже о, казалось бы обычном и привычном – Стихии...

Но, самое коварное из перечисленного – Столкновения...

Они, как правило, происходят внезапно, скоротечно, ночью, или при плохих условиях погоды. Но, когда бы они ни происходили, экипаж к такому коллапсу никогда не готов... За бортом многие оказываются без спасательного жилета... и без воли в борьбе за жизнь... И ...обнаруживается многое такое, до чего не доходили руки в обыденной суете: спасатель-

ные плоты оказывались закреплены намертво (чтоб не смыло!), спасательные шлюпки уходили в воду вертикально!, спасательные круги, которым положено быть со светящими буйками оказывались без буйков, а которые – с буйками, так у тех были просрочены элементы питания и они не загорелись в воде, как это предусмотрено... То же самое и со спасательными нагрудниками. Они оказывались без свистков, без батареек и хранились там, куда их запихнули, чтоб не мешали... И не напоминали!

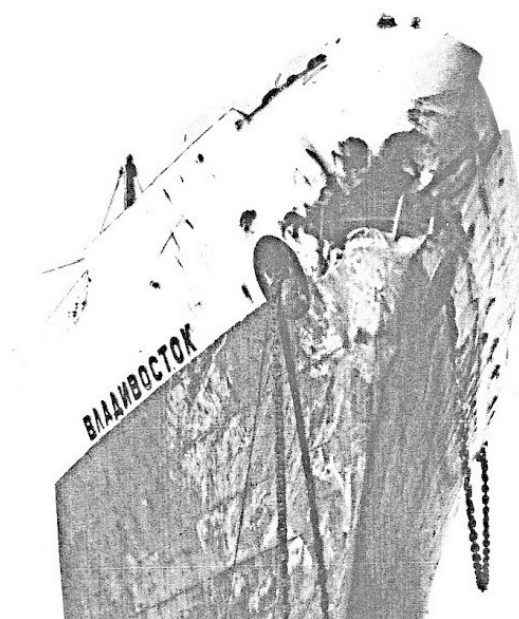
Оба судна принадлежали одному пароходству.

У рыбаков это – нелепое название – База, отвечаю головой – моряк такую хрень придумать не мог! База – больше подходит для склада овощей, но не для структуры управления флотом! База! Это придумал пузатый – заматеревший без Лаврентия Павловича, в нашивках по локоть, бездельник-чинуша, сидящий за столом за две тысячи кэ-мэ от ближайшего моря, из тех, которые сочиняют названия новостроящимся судам. Чтоб не утруждать свои замшелые извилины, берут словарь, открывают на любом слове, скажем – «Горы». И пошла серия судов – все «Горы», какие попались чиновнику на глаза, включая «Ленинские»? (Где они? В городе Москва?) То же – с морями, с лесами... Даже было судно «Колыма-лес»... Чиновник удачно проскочил Колыму и Магадан и потому не знал, что на Колыме растет лишь стланик – такой вид кустарника, стелящийся по земле...

Так вот: оба судна принадлежали одной базе, оба капитана находились на мостике, оба судна следовали под проводкой лоцмана, на обоих судах работали по два радара, но стоял густой туман...

Несмотря на все предосторожности, в том числе – умеренный ход, – суда – пароход «Балтика» и дизель-электроход «Владивосток», нос-в-нос, столкнулись в районе мыса Скаген, в проливе Каттегат. Ох, уж этот мыс Скаген и лоцман при нём – мистер Андерсон! Многие там отметились и «Кал Линней» – тоже! С этим же истером-твистером, лоцманом Андерсеном, который отказался вывести судно на выход из Каттегата, к плавмвяку Скаген, из-за ухудшения погоды!

Дело было осложнено тем, что на пароходе «Балтика» удар пришелся в носовую каюту, под полубаком, где жили водолазы. Два водолаза погибли, один водолаз и находившаяся у него в гостях судовая уборщица – жена судового кочегара – получили серьезные травмы. Они были прижаты к подволоку койкой и их пришлось вырезать автогенном...

Т/х «Владивосток» после столкновения с п/х «Балтика»

С одной стороны, судиться, вроде бы и не с кем, ибо хозяин обоих судов – один. Оба капитаны – свои и чуть ли не приятели... Но, с другой стороны, для Минрыбхоза требовалось объективное расследование. Ведь требовались компенсации по утрате кормильца родственникам погибших, оплату излечения и последующего пенсионного обеспечения травмированных членов экипажа.

После полугодового расследования, аварийный комиссар из Службы безопасности мореплавания Минрыбхоза, человек молодой и с юмором чистопородного одессита, сделал на суде оригинальный вывод: виноваты в любом случае оба капитана в равной степени, потому, что, следуя их показаниям, суда НЕМИНУЕМО должны были столкнуться, только КОРМАМИ и на противоположной точке земного шара, – так усердно они оба и самым полным ходом работали «назад» при возникновении угрозы столкновения!

В те времена капитаны, как и весь советский народ, тоже жили от зарплаты до зарплаты, хотя она и была втрое выше, чем зарплата МНС или любого берегового инженера – эталона прожиточного минимума. С учетом ненормированного рабочего дня и переработок в праздничные и выходные дни.

После почти годовой тяготы и судебных издержек, когда возникла необходимость компенсации расходов на излечение травмированных, семьям погибших, расходов на адвокатов и, чего греха таить, дать кому надо, капитан Чернега обнаружил, что его жена уже давно снесла в комиссионку все свои украшения и мутоновую шубу, а больше в доме ничего ценного нет. Все попытки занимать, в их положении и столь крупную сумму-оказались бесполезны. У друзей и знакомых просто не было никаких накоплений.

Да, вот так жили молодые люди в те времена: точно по святому Писанию (не подозревая об этом!) – «Живи одним днем, Бог даст день, Бог даст пищу!» Копить было просто не на что: квартиры не продавались, а очередь на машину растянулась на двадцать лет!

А Сергей Чернега просто не умел просить и занимать... Положение было – хоть вешайся...

Однако, по-видимому, есть Судьба и Его Величество – Случай!

В 1952 году великого физика Альберта Эйнштейна одолел своими письмами некий гражданин ФРГ, со славянской фамилией Колачный. Он написал Эйнштейну кучу писем с одним и тем же вопросом: «Есть ли Бог, коим наша судьба и наши поступки предопределены заранее?»

По-видимому, господину Колачному пришла идея списать все свои прегрешения на Боженьку, раз Он сам ему придумал такую Кривую и Нелегкую! И что вы думаете? Господин Колачный попал в самую точку! Ну, – почти в точку! На счет Бога вышла заминка, зато по грехам все – оки-доки!

После одиннадцатого письма Эйнштейн понял, что ему не отвертеться и он ответил, как можно проще и понятнее:

В пересказе с наукообразного это звучало так: – «Реального подтверждения существования Бога за всю свою жизнь я не нашел. И я даже удивлен, что многие ученые в Него верят. Но я уверен, что у каждого человека есть Судьба. Она – это математически выверенный алгоритм поведения индивидуума, построенный миллионами предыдущих Его поколений. По этому алгоритму он поступает так, а не иначе и имеет обусловленный данным алгоритмом один и единственный результат». Выходит, во всех наших грехах виноваты те Homo sapiens, которые наши прабабушки и прадедушки в минус шестой степени! Во! А сам я – чист, аки агнец новорожденный!

К примеру, от себя, заметим, что ежели тебе на голову упал кирпич, то это означает, что твой сто раз пра-предок пошел направо, а не налево, обходя строящуюся пещеру. А ты, естественно, поддался Зову Генов! И получил за это по голове. Что и есть та самая – Судьба,

в кратком изложении предмета рассмотрения – как самому себе простить все грехи молодости... А в молодости – вся жизнь, как говорят французы.

Судьба явилась к капитану Чернеге в виде бесцеремонной дамы неопределенного возраста с весьма неординарной внешностью: она сильно смахивала на героиню киноактера Георгия Милляра в сказках, снятых режиссером Александром Роу: «Кощей Бессмертный» и «Василиса Прекрасная». Хозяева сначала опешили.

Сергей Чернега даже не сразу сообразил, что гостя – это уборщица с его судна, которую он и видел-то всего лишь на общих собраниях экипажа.

Ее звали Софья Абрамовна Бляхер.

Были в истории Гебхард Блюхер – фельдмаршал у германского кайзера, был генерал Блюхер у Гитлера, был Василий Блюхер – маршал у Сталина, но Софья Абрамовна, назло всем маршалам была именно Бляхер! И вся ее родня в Одессе – тоже были – Бляхеры.

Она с порога заявила: «Я – знаю. Вам сейчас надо денег. Так я их вам дам!» – из хозяйственной сумки Софья Абрамовна извлекла и положила на стол увесистый пакет.

После недолгих препирательств, Сергей Александрович развернул перетянутый резинкой от женских чулок газетный пакет. Там лежала, в разных купюрах, огромная по тем временам сумма, указанная на клочке бумаги.

– Отдадите, когда заработаете. Частями. Без процентов, – рубила Софья Абрамовна, предвзято вводя вопросы ошалевших хозяев квартиры.

Судебное дело закончилось условным сроком и лишением капитана диплома на год. А, поскольку год уже прошел, а капитаны дальнего плавания на земле не валялись, Сергей Чернега снова занял место на мостике.

И тут к нему сразу же явилась – Она, мадам Бляхер, с претензией на место Первой леди... Это значит буфетчицы.

Буфетчица на судне – это лицо, приближенное к императору, допущенная к его секретам и имуществу в виде представительских запасов и деликатесов. Не как правило, но зачастую, она – его утеха... Не любовница, нет. Любовница – это все-таки какие-то чувства. А утеха – это когда долго в море и много водки...

Старпом с Первым всегда подбирают буфетчицу исподволь, учитывая нрав, вкус и пожелания Мастера... Ибо от этого выбора зависит многое и даже их собственное реноме на судне... Бывает и такое, что судном управляет уже буфетчица, а не Сам, попавший ей под каблук...

Капитан Сергей Чернега не был Раскольниковым, напрямки за топор не взялся, и... безропотно согласился... с требованиями (судя по тону разговора!) Сони... Да, да – отныне не Софьи Абрамовны, а Сони – в глаза и «Соньки-бля», за глаза... Фамилию ее сократили наполовину, для краткости, хотя сокращение в любую сторону звучности ей не придавало!

Утехой Соня (она требовала, чтобы ее величали именно так, без отчества, молодилась) для капитана не стала, капитан Чернега был не тот человек и свою семью и свою репутацию семьянина ценил высоко, но буфетчицей, отличной экономкой и хозяйкой его каюты Сонька стала.

Однако, в кают-компании Соня была груба, на комсостав покрикивала, не взирая на лица, а своих коллег – Ж.О.П. – женский обслуживающий персонал – она не ставила ни во что и откровенно хамила.

Никто не мог понять, почему капитан Сергей Чернега, умный, интеллигентный человек приблизил к себе эту хамку и не выгоняет ее...

Догадки, конечно, – были, поскольку не было на судне, практически, ни одного члена экипажа, кроме Ж.О.П, кто не был бы должен деньги Соньке.

Об этом знал и первый помощник капитана, но предъявить претензии в ростовщичестве он не мог: Сонька не требовала проценты! И... сам, Первый, тоже занял когда-то деньги у Соньки на строительство дачи и до сих пор отдавал ей долг, оставив аттестат в бухгалтерии

рии. По её просьбе он объявил там, в аттестате, Соньку своей двоюродной сестрой, чем оказал Соньке, не ведая того, неоценимую услугу: в аттестате Сонька указала свой одесский адрес! И, таким образом, на любые вопросы ОБХСС – «откуда у мадам такие гроши, шо вона строить уже второй этаж?», Сонька, выкатив из орбит свои черные глазки-пуговки, возмущалась на обе стороны улицы: «Так ви посмотрите на почте! Там ви найдете ежемесячные деньги от моего родственника, большого партийного работника! Он тоже, как и я, плавает за границу!» Против таких доводов крыть было нечем:, «ОБХСС» извинилось и удалилось до следующего сигнала от соседей.

Нет, Сонька не была альтруистом! Смешно бы было – за просто так рисковать деньгами. Сонька давала в долг тогда, когда вернуть долг ей САМИ предлагали чеками ВТБ – Внешторгбанка – и только по ее курсу! (естественно, заниженным вдвое). Но это не все. Достать у Соньки бутылку спиртного в любой час дня или ночи – это разве не чудо? И это было возможно (конечно, далеко не каждому!) и, опять же, под чеки ВТБ!

Спиртное завозилось на судно под капитанские представительские запасы, хранилось у начпрода, вместе с «тропическим вином» (триста грамм – каждому, ежедневно, или – три «огнетушителя» в неделю) и тут никакие обыски Соньку не ловили, в каюте у нее хранились лишь две дежурные, законные бутылки.

И за капитаном, как за каменной стеной, Сонька была неуязвима.

На переходе, в лазарете собирались каждую ночь игроки в преферанс, те кто не стоит вахту и может себе это позволить в длинном рейсе: на этот раз мы вышли в Антарктику, в Море Росса, за китовым мясом и жиром, к флотилии «Юрий Долгорукий».

Переход долгий, около месяца в одну сторону, вот и договорились: играем одну «пульку» туда и назад, а в Гибралтаре, на обратном пути, распишем и проигравшиеся рассчитываются за стол в фешенебельном кабаре «Трокадеро». Там играет женский оркестр в испанском стиле, а неоновая, мелькающая танцами реклама, видна аж с якорной стоянки, с середины бухты. Какой же моряк устоит?

Забегая вперед, скажу, что проигрались в пух и прах доктор Женя Коган и второй помощник Антон, а в плюсах были Миша Гимпельман с Владимиром Касаткиным и «куратор», вышедший в рейс под крышей «дублера электромеханика» – Сергей Поляков. Игра шла с подменной игроков за столом, в два экипажа, а потому – беспрерывно.

В кабаре «Трокадеро» жгучий испанец-официант – воплощение вежливости, никак не мог взять в толк: почему трое клиентов пытаются заказать на всю «железку», а двое других заказчиков, потрясая деньгами, дескать, слушай тех, кто платит! – урезают заказ до минимума!

Но, как говорят у нас, в России, – первая бутылка – ну очень дорогая, а все последующие – не стоят ничего! Вначале заказывали, как все – рюмками, а закончили – бутылками! Добрались на борт только к утру, и это – благодаря присутствию на мероприятии «куратора»... и с его высочайшего позволения...

В противном случае, – виза могла обернуться «ризой», т.е. – закрытием «семафора»...

Миша Гимпельман влетел в лазарет, когда уже все были в сборе, со словами: «Не стая воронов слеталась, на кучу тлеющих костей, то шайка удалых собиралась...» – И, приставив ребром ладонь к губам пояснил кому-то: «Пушкин, Разбойники.» И ко всем: «Ну, что, разбойнички, приступим? Я смотрю, вы тут уже начадили! «Кури больше – партнер дуреет!» Так, что ли?

Миша Гимпельман, старший рефмеханик, был всегда душой компании.

Никто и никогда не видел Мишу, удрученным проблемами, а они у него, естественно, были. И тогда, внешне Миша обозначал свое состояние так: сложенные пальцы рук и слегка наморщенный лоб... Но губы его несли очередную остроту, в диссонанс с его внешним обеспокоенным видом.

Понимал Мишу с полуслова только Владимир Касаткин. Они были давние друзья и даже внешне походили друг на друга. Оба были рослые, под два метра, оба – косяя сажень в плечах и оба всегда с доброжелательными лицами – большая редкость в те, «совковые», времена. Тогда у всех на лицах была или вселенская озабоченность, или тихоокеанская лень...

В три часа ночи доктор Женя Коган развел руками: «Больше ничем помочь не могу! Осталось только самое необходимое!» На соседней кровати, привалившись к спинке, еле живая, полусонная медсестра прикончила откупоривать вторую сотню пузырьков «настойка боярышника» и «муравьиный спирт» и шептала доктору, чтобы её отпустили спать. «Ну что за женщины на судне, не на кого положиться!» – резюмировал Миша, пока доктор утешал медсестру.

Заход в Кейптаун облегчения «разбойникам», как назвал преферансистов Миша, не принес: увольнение с рейдовой стоянки не было из-за «трудных» отношений с ЮАР..

Две баржи привезли гору овощей и фруктов для китобойной флотилии и «представительский» заказ капитану. И... пошли дальше, полюбовались Кейптауном в бинокль. У советских особенная гордость... Туды её...

Таким образом, обогатилась на спиртное только Сонька...

Без «допинга» игра в «преф» идет вялая, без залетов на «мизерах»... И шуток за столом не слышно, тягомотина, а не игра...

Выход – один: Сонька-бля!

И тут кто-то не выдержал: И – к Гимпельману:

– Миша, сходи к Соньке, возьми пару пузырей!

– Ребята, что я вам плохого сделал? – Миша сосредоточенно смотрел себе в карты. – Я уже ходил в прошлую игру. Пускай кто-нибудь другой сходит!

– Миша, ты же ее земляк по пятой графе, тебе она не откажет! – вступил в дело «куратор», – знаток параграфов и граф.

– Ну вы же знаете, что каждого Иванушку-дурачка, пришедшего к ней за пузырем, она тащит к себе в постель... И бывает не без успеха... За пол-литра Иванушка согласен переспать даже с Бабой-Ягой, а Сонька даже чуток красивше... – отпирался Миша.

– А доктор даст тебе справку, что у тебя – триппер! – сообразил Куратор, видимо он знал, о чем говорит и уже где-то пользовался таким приемом.

Дверь каюты открыла заспанная Сонька, со сна более похожая на дедушку, чем на бабушку.

– Миша, ты уже ко мне или тебе надо выпить?

– Сонечка, дай мне, пожалуйста, пару бутылок и запиши на меня.

– Так ты только за этим, за водкой? Зайди, поговорим.

– Соня, как говорит Ильюша Гольдман, наш начальник, ты не работай по системе Станиславского, ты работай по системе «бекицер»! – Мишу понесло: «Если ты, конечно, не хочешь поссориться с теми, тремя, которые сейчас с нетерпением ждут меня в лазарете.

– Они что, сильно заболели? – Соня прекрасно знала, кто и что делает в лазарете и не только в нем, но «включила дурочку».

– Очень сильно и до конца рейса.

– Ну, хорошо, Миша, возьми, – она протянула в приоткрытую дверь пакет из холодильника с двумя бутылками «Столичной», как будто специально приготовленными к приходу очередного просителя: – «Зачем я буду ссориться с такими людьми!» – вслух рассудила мудрая Соня.

– Ты с ними, Соня, никогда ссориться не будешь. А они с тобой, не дай Бог, – могут! – вогнал Раскольников-Михаил топор в Соню по самое топориче, забивая, тем самым, «стрелку» к Соньке-бля на следующий заход.

Про Соню знали все, в том числе и первый помощник капитана, но... он тоже был должен Соне крупную сумму, взятую год назад на постройку дачи... Соня дала Первому деньги,

без процентов, но с одним маленьким условием: «Мне не надо приносить наличные, мне их некуда прятать! – доверительно сказала она, – вы будете пересылать деньги на мою сберкнижку в Одессе. И никто не будет знать о наших отношениях, правда?»

Первый с радостью согласился, не ведая, на какой «цугундер» взяла его Соня! Ведь в Одессе тоже живут «доброжелатели», которые постоянно натравливали на богатенькую Соню ОБХСС. И всякий раз Соня вынимала из-за пазухи сберкнижку, схваченную одной резинкой вместе с партбилетом и, потрясая ими перед носом проверяющих орала на весь Лонжерон, чтобы слышали все соседи:

– «А вы проверьте! Нет, вы таки обязательно проверьте от кого идут эти деньги! Мой родственник – крупный партийный работник, он работает за границей! И он поддерживает бедную, одинокую Соню! Я таки и сама хожу за границу. Вся Одесса знает, чего это стоит! Только вы не знаете, да?»

Проверка сказанное подтверждала и от Сони отставали до следующего доноса. И все повторялось сызнова.

Прямой и честный старпом Касаткин не раз докладывал капитану, что Софья Абрамовна работает хорошо, но слишком хамовита.

– По поводу хамства – к первому помощнику. А, если она работает хорошо, то по какой статье мы с вами её спишем? Дождитесь отпуска и не возвращайте назад, единственный выход, – заключил капитан. На том и перешли.

Ага! Сейчас прямо! Софья Абрамовна в отпуски не ходила, она их «компенсировала», получая деньгами, зачем ей отпуски? Что б потерять место? Она и так, считай, находилась в постоянном отпуске, при готовом столе с почти санаторным питанием – на полном пансионе. На стоянках в российских портах она брала отгулы и летала в Одессу, где ее родственник сдавал «дикарям» и командировочным ее маленький, двухэтажный домик с мансардой, на Лонжероне... Над морем. И длиннющим, белоснежным пляжем.

Откуда и получил свое французское наименование.

2. Три грации

К заходу в Гибралтар готовились долго.

Сочинили даже стихи про «чувал», – это такой большой мешок на Украине. На судне же, под «чувалом» имели в виду «долю» при раздаче экипажу дефицитов «для дома, для семьи», закупленных на сэкономленные продуктовые валютные деньги, по 13 копеек в день на человека и положенные экипажу для приобретения за рубежом овощей и фруктов...

Ага! Хай им! Без овощей и фруктов можно обойтись, кислой капусты и морковки взяли навалом! А вот без подарка в руке вернуться домой ну никак нельзя! При том, что все друзья и вся родня абсолютно твердо убеждены, что все их заказы там, за бугром, ничегошеньки не стоят, что там все дают даром!

Примерно так: «Купи мне джинсы, (варианты: „аидасы“, „кроссы“, магнитофон...) Там же это копейки стоит!»

Лучше бы проситель не добавлял этих, последних слов про копейки... Тогда может быть я и купил бы ему искомое... Ну, ё-мое, мы же тоже получаем – копейки... И никто там даром ничего не дает.

А стихи мы сочинили еще за экватором, авторы – Миша Гимпельман и Герман Потоцкий, рефмеханики:

Горит над нами Южный Крест,
А за кормой – за валом – вал!
И помогает нам зюйд-вест,

Набить в Гибралтаре «Чувал»!

Как и положено, капитан за сутки, а потом за четыре часа до подхода на рейд Гибралтара дал агенту РДО (радиограмму) с ETA (ожидаемым временем подхода), в 08.00 LT 12 апреля 1961 года.

Нас очень удивило то, что на подходе к якорной стоянке лоцман нас не встретил, это в морских делах – из ряда вон выходящее событие. А на наши запросы «Порт-контроль» нес что-то невразумительное, парадное, с чем-то нас поздравлял и восхищался. Дескать, «не волнуйтесь, к вашему подходу на рейд лоцман вас встретит»... Мы ничего не могли понять, что происходит.

Всемирный базар – Гибралтар имеет в мире только троих конкурентов по беспощадной торговле: Сингапур, Бангкок (Тайланд) и Манила (Филиппины).

Все девяносто человек экипажа весь рейс в Африку и назад уговаривали начпрод не покупать овощи и фрукты на положенные нам инвалютных тринадцать копеек в день (! Есть будем всё, что попало и – молча!) и все ради одного, единственного дня – захода в Гибралтар!

До шиллинга высчитано, сколько можно будет взять покрывал, ковров («половиков» – в обиходе, так как они – плюшевые, полная халтура, однако сюжеты на них – русские: «Утро в сосновом лесу» Шишкина, у испанцев это «Медведи на лесозаготовках», «Тройка», они кричат: покупай – «Русский бандит»), сколько «бобочек» (футбол), носков, косынок с видом Гибралтара, если не спешить, если как следует поторговаться и если проявить железную выдержку и не броситься на «Колу», спиртное и сигареты.

А торговались так, что у одного испанца из носа пошла кровь и он стал кричать: «Бери даром и ходи из Гибралтара!» Тогда наш Иван молча положил ему на прилавок то, что он предлагал, одну десятую цены, забрал товар и гордо удалился: «Наша взяла, этот цыган – слабак!»

Моя бабушка, мудрая женщина, говорила мне: «Идешь по базару туда, только смотришь, идешь назад – покупаешь!» Я бы добавил еще: «В первый день увольнения – только смотришь, в последний – покупаешь!» И это подтвердила жизнь: мои товарищи, нахватавшие в первый день в ближайших лавках свой колониальный товар «на забой», были поражены, как мне удалось купить то же самое, но за половину цены!

Начпрод строго предупредили: «Не вздумай промотать наши кровные на жрачку, поьем! Возьмешь каждому по «крабу» (женские часики с браслетом дужками, наподобие краба – женщины падали без сознания от такого подарка!), по паре блоков американских сигарет (один – начальству, другой – форсить!) Ну, там пиво бутылочное – оно подешевле, а на остатки, мы все подсчитали, марокканские апельсины, помидорчики, огурчики к столу на приход, ты понял? А – язвенникам-трезвенникам возьми лом шоколада, – дешевка.

– А как же я отчитаюсь перед бухгалтерией? С меня же удержат за ваши часики и пиво! – протестовал начпрод.

– Ты, ворюга, в натуре дурак или только косишь под дурака? – пришлось взять «начальника» за грудки и потрясти: «Тебе же шипчандлер (снабженец) напишет в инвойсе (накладная-чек) хоть черта с рогами, хоть детское питание и ты об этом знаешь! Ну, а ежели тебе и поставят в начет, тебя заложат, – то платить ты будешь по шестьдесят одной копейке за доллар! Мелочь! Мы тебе вмиг соберем эти деньги! Ты понял? Смотри!

Забегая вперед, скажу, что именно так все и случилось: нашелся на судне «доброжелатель» (а их, как правило, – не менее трех-четырех! Мостик, палуба, машина...), который и часики взял и настучал, куда следует...

Высчитали деньги, конечно, у капитана, ведь только он имеет право подписывать инвойсы...» Не знал, не видел и не слышал» – эти три обезьянки тут не прокатывают: капитан обязан все знать, видеть и слышать, а его люди не должны делать то, что надобно скрывать от капитана!

Но вот показался катерок, все обрадовались, а через несколько минут на мостик вбежали три совершенно обалделые человека: лоцман, агент и шипчандлер. Ну и, встретивший их на парадном трапе третий помощник.

– Наш летчик в космосе! – с порога заорал третий помощник, – Вот, лоцман привез экстренный выпуск испанской газеты «Alhesiras Popular»! Вот его портрет: зовут Юрий Гагарин! Разница во времени с Москвой три часа, значит он уже – на земле! – у лоцмана рвали из рук газеты, поднялось невообразимое ликование! Только теперь капитан понял, что пытался ему первым объявить оператор «Порт-контроль»!

Шум и гам прервал первый помощник объявлением по трансляции о том, что в космосе – советский человек – летчик Гагарин, а поэтому, естественно, – объявляется общее собрание... Капитан взял микрофон у Первого и добавил: – «После отдачи якоря!» И дал команду сонному радисту немедленно получить информацию, дать на палубу Москву!

И тут лоцман, после объятий и комплиментов, какие мы все прекрасные парни, очень похожи на испанцев, только все – светловолосые – стал извиняться за опоздание на два часа! Неслыханная оплошность! Но, в этом виноваты сами русские: неужели вы не могли дать двум кораблям разные названия! Мы получили две РДО о подходе судна «Калининград» с разницей во времени в два часа. Подписано как обычно – master! Только потом мы разобрались по каталогу, что одно из судов – пароход, а другое – дизель/электроход, а значит это разные суда! У вас что, не хватает городов? А сколько звезд на небе? А сколько красивых женских имен!

– У нас два города Калининграда и жители этих городов пожелали назвать суда каждый – в честь своего города, – вырулил капитан из нелепого положения.

После постановки на якорь провели собрание и зачитали полученную радистом пресс-релизу, где сообщалось, что летчик, коммунист (не какой-нибудь фигли-мигли!), Юрий Гагарин облетел нашу Землю, сделав один виток, и благополучно приземлился в заданном районе! Экипаж ликовал!

А Первый, тем временем, начал увольнение «троек» на берег, пассажирский катер уже ждёт нашего вызова..

Второму помощнику Первый указал на трех женщин и сказал:

– Ты, Антон, знаешь английский, пойдешь старшим!

Антон оглядел свою команду: это были побитые жизнью пожилые дамы, словно сошедшие с полотен Александра Дейнеки, многие годы отдавшие морским скитаниям и мужским коллективам... Почти ежедневно встречая их на рабочих местах он не обращал внимания на их внешний вид: повседневная рабочая одежда нивелирует недостатки фигуры и ... даже возраст. Этих женщин – двух поварих и пекаря – Антон всегда видел в белом и только в белом... Как то примелькались.

Сейчас они предстали перед ним в несуразно одинаковом, как у солдат, одеянии: полупрозрачных капроновых ажурных блузках, под которыми просматривался двойной комплект бретелей... В черных, до пят, юбках, обтягивающих мощные, в жировых складках торсы и квадратные зады. На ногах у них были огромные «сорокоходовские» туфли на солдатских каблуках... В руках у каждой – ридикюль послевоенных времен.

С одной стороны, Антону стало жаль этих добрых тетушек, они никогда не отказывали «собачьей» вахте (с нуля до четырех утра) в остатках ужина, в закуске при распитии и даже в займах до получки... Они прожили большую часть жизни, вставая «с петухами» и ложась тоже «с петухами», добирая сон урывками, днем.. В обмен на радость материнства и семейный уют – постоянное брюзжание вечно недовольных мужчин. От которых никогда не услышишь слов благодарности, на них действует долговременная скученность одних и тех же лиц на малой территории... И все это – за жалкую зарплату, только и того – то, что получишь кучкой и, вроде как – много, ведь на еде и береговых расходах сэкономлено...

Но, с другой стороны, Антон мечтал посидеть в роскошном баре с такими замечательными друзьями, как Миша Гимпельман и Герман Потоцкий, – остроловами и умницами. Ходить по лавкам ни дома, ни за рубежом он терпеть не мог! Хватал, не торгуясь то, что наметил и – ходу. А с этими дамами – будет одна лишь мука... И он мгновенно принял решение:

– А я не иду на берег. Я себя плохо чувствую. Я отдам деньги ребятам и скажу, что мне купить, – соврал Антон, глядя в сторону. – А с ними пошлите Софью Абрамовну, она – партийная и на немецком чешет, как на родном иврите! – осмелел Антон.

– Без тебя разберусь, кого с кем послать! Свободен. Болей. – разозлился Первый.

– Что б больше к нам не приходил, понял? Стеснительный какой, мы ему не нравимся, с нами ему стыдно! – раскусили Антона дамы.

Когда пришел большой пассажирский катер и агент привез пропуска и деньги, Первый зашел в каюту к Антону:

– Ты там в преф проигрался. Так эти тебя ждут. Думают, что хочешь кинуть их, потому и не идёшь на берег. Приходили ко мне куратор с Гимпельманом, просят отпустить с ними. Куратору не поперечишь. Иди!

Гибралтар или «Скала» (Rock), – как его любовно называют сами тридцать тысяч жителей – это – полукилометровая гора обрывом в море, напоминающая наш Аю-Лаг в Ялте, повёрнутый наоборот, и – одна-единственная, двухкилометровая главная улица, так и названная Main-Street. Она сплошной ряд аккуратных магазинчиков и лавочек, с обязательным кондиционером и бесплатным кофе. На улице – разноязычная речь моряков всех стран и флагов со стоящих на рейде торговых и военных судов.

Гибралтар – это вселенский базар! Один из популярнейших в мире, среди моряков, после Сингапура, Бангкока и Манилы из-за очень низких цен, здесь – беспошлинная торговля – «duty free». Правда, – товары здесь – ширпотреб самого низкого качества, в основном – кустарное производство.

На берегу решили попить пивка, разойтись, сделать покупки, а после – в «Trokadero» кабаре с женским испанским оркестром!

На покупках достаточно было надписать название судна и свою фамилию и на рейд их доставят сами продавцы.

Антон заходил поочередно в магазинчики и везде ушлые испанцы сразу определяли – русский. Они начинали столь бурно выражать свое восхищение запуском человека в космос, одновременно подсовывая свой товар, что подыгрывать им Антону надоело и он решил купить в следующем магазине ящик «Кока-колы» и на этом завязать с торговой суетой, она его просто угнетала.

Войдя в магазин, он увидел... менее всего желаемых встретить – наших поварих. Двое из них вытирали слёзы, а «шефиня» нервно курила.

Пройти мимо плачущих своих членов экипажа – не позволила совесть и Антон подошел к ним: «В чем дело?»

В разговор сразу вступил разгоряченный и весь взъерошенный хозяин-испанец за прилавком: он тыкал под нос Антону какие-то бумаги и, путая в волнении английские и испанские слова, возмущался.

– Так что случилось, кто вас обидел?, – обратился Антон к главной – нервно курящей «шеф-повару».

– Да вот этот, – мудака, бля, не хочет уступать! Мы два часа кофточка выбирали, а он, козёл, заупрямился, не сбавляет цену! – кивнула она окурком чуть не под нос рассерженному продавцу.

И тогда испанец выдал накипевшее:

– Неужели от таких вот женщин рождаются такие красивые и смелые парни, как вы, как ваш летчик! Они – такие злые и такие грубиянки! Я показал им инвойс, по какой цене я

покупал сам эти блузы, но ведь я содержу магазин! А они требуют продать им на два шиллинга дешевле, чем заплатил я сам! Так в бизнесе не бывает! – горячился хозяин.

– Мы работаем с этими женщинами на одном судне, поэтому я за них доплачу эти двенадцать шиллингов! На судне мы разберемся. Видимо, им очень понравились ваши блузы, а деньги у них – на исходе. Спасибо вам за терпение, женщины везде ведь любят делать покупки, не правда ли? – Антон всеми силами хотел сгладить впечатление у испанца от встречи с русскими корабельными дамами.

Дамы, ничтоже сумняшеся, взяли свои кофты, как будто добились несговорчивого супруга – Антона, и отправились дальше – качать права в следующем магазине. Упустить такую халяву, как выторговать цену – они не могли. В России ведь не покочевряжишься! А здесь – в кайф!

«Фи! Какое жлобство! Торговаться, унижаться за какие-то гроши...» Мудрая Софья Абрамовна на берег с кем-то идти отказалась. Ей это вообще было не нужно. Ей нужны были ГРОШИ! Поэтому, она просто быстренько собрала долги у выпивох и... просто быстренько заказала шипчандлеру, помимо списочка, который ей дал капитан, – на представительские товары, – себе – пятьсот косынок с надписью «Gibraltar» и красочным видом «Скалы» с надписью: «Rock»!. Эти косыночки в Одессе – «влёт» идут на пляже по пятнадцать рублей, а в целом это – «Волга»... Автомашина, конечно, не – картина маслом великой реки. Картина Соне тоже была не нужна.

3. Жена кесаря

*Жена Цезаря – вне подозрений!
Постулат римских консулов*

Так было: 1964 год. На посылном судне «Юг» наш экипаж из Калининграда был доставлен в Швецию, в Гётеборг на приёмку новостроя на верфи Гёта Эльф, в предместье – Бурос.

Удостоиться чести и отправиться за новым судном в Польшу или ГДР – это было счастье!

Но поехать на приёмку в Швецию, да на «командировочные» ... Да ещё судна экстра-класса (груза берёт 9200 тонн, скорость – до 19 узлов, как у «Титаника»!) с радужной, бриллиантовой перспективой на валютные рейсы...

Это было запредельно сказочно и даже неправдоподобно. Можно теперь только с трудом представить себе, как мы были «зажаты», как мы боялись до получения валюты влипнуть в какой-нибудь платный сервис, включая туалеты, чаевые обслуге, билеты в транспорте (ходили только пешком!), ибо мы были «нищЕЕ» любого шведского нищего...

До подъёма флага СССР, а если точнее, то до появления кока (судового повара) на камбузе нам «капали» гигантские по тем временам деньги – командировочные, которые в десять раз превышали суточную мизерную «подфлажную» ставку. А поэтому даже самые лютые враги не желали стольких «бьяк» и неполадок нашему сверкающему хромом камбузу, как мы: чтоб он подольше не работал (а в идеале – никогда)! И тогда – держитесь, «колониальные» товары: плюшевые ковры, «Грюндиги», капроновые ажурные кофты (последний писк!), гарусные пуловеры и шарфы «All wool» и «Букле» с «Буртеном-макинтошем»!

Нина Петровна Хрущева, жена кесаря (а кесарь наш – Никита Сергеевич Хрущёв) была вне подозрений, как и жена Цезаря. Она не желала зла экипажу, но случилось то, что случилось. С первого раза бутылка с шампанским не разбилась о борт судна при крещении, а это была очень плохая примета...

2-й помощник капитана Евгений Фёдоров и старпом Владимир Касаткин с Джулией и Джоном (зелёные мартышки).

Фото: личный фотоархив

Наш старпом Владимир Касаткин, человек молодой, без комплексов, ни в черта, ни в боженьку не верил, и суеверным не был, но... случай этот внес в его мозжечок ожидание опасности. Ведь однажды он уже тонул. В августе пятьдесят второго, на севере Исландии, за полярным кругом, нашу флотилию, промышленявшую на ловле сельди, накрыл циклон с ураганным ветром и зарядами снега. В эту ночь утонуло три средних рыболовных траулера. На одном из них, СРТ-103 «Ракета», Володя Касаткин был матросом-практикантом. Они с другом, Сашей Балакиным, оказались в крошечной тьме за бортом – в снежной круговерти без надежды на спасение. Однако, рядом оказался траулер капитана Юрия Климовича, с которого заметили огни горящих фальшфейеров и, находясь сами в тяжелых условиях ураганного шторма, спасли большую часть экипажа, вылавливая людей из воды при температуре в 6 градусов. Обессиленного замёрзшего Володю чудом зацепили багром за ногу и вытащили на борт. Восьмерых человек в бушующем океане, ночью, найти не смогли. Рядом СРТ-142 «Гонг» ушёл под воду со всем экипажем в 21 человек.

Этот случай не изменил решения Касаткина стать моряком, но на всю жизнь осталось – с морем надо быть начеку!

Это был август шестьдесят четвертого года.

Перегонная команда, первая и вторая волна, уже приняли новое судно на верфи в Гётеборге, на реке Гёта-Эльв, в пригороде Бурос, в Швеции. Ожидая третью волну, судно уже готовили к выходу и шведы с недоумением устраняли мелочевку придиричивого русского экипажа: то, что сегодня, например, требовали вырезать и установить, назавтра велели убрать и заварить (умышленно волюнили время – камбуз не работал! А потому исправно шли командировочные! Всяким, разным шведам этого не понять, проклятым капиталистам).

Придираться было весьма трудно, шведы построили транспортный рефрижератор экстра-класса, с невиданной для торгашей скоростью хода – аж до девятнадцати узлов. Это потребовало трехкратного увеличения мощности энергетической установки, и шведы с этим блестяще справились: трехэтажный двигатель МАН развивал мощность в 10400 лошадей. Такому красавцу по имени «Кавказские горы» предстояло большое будущее, а экипажу – валютные рейсы. Команда сразу прозвала его – «Рысак». И – вдруг!

В три часа ночи к борту подкатил черный «Мерседес» и шведский вачман (вахтенный, значит) провел в каюту к капитану двух очень серьезных русских дядей. А через несколько минут капитан с прибывшими укатил, поручив старпому сидеть на городском телефоне неотлучно.

Ба! Вот это да! Такого еще сроду не бывало.

По судну мгновенно прокатилась волна предположений: или посадят, или наградят.

Под утро капитана вернули, и он сразу же объявил аврал. При этом капитан Борис Григорьевич Григорьянц удручённым не выглядел, напротив, он заговорщицки ухмылялся, все время поправляя небольшие усы. Хорошая примета!

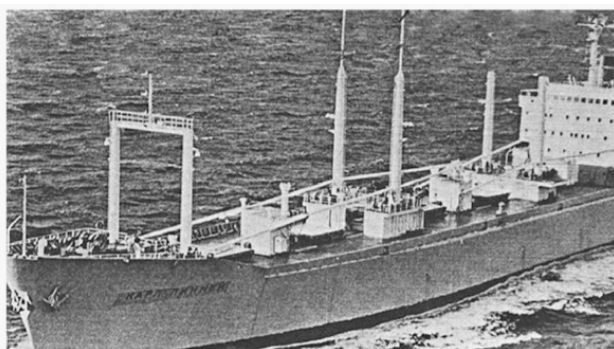
Но «колоться» ему пришлось, и он сообщил: к нам едет... Нет! Не ревизор! Бери выше! К нам едет сам Никита Сергеевич, а его супруга Нина Петровна будет «крестить» судно!

Шведы преподнесли в подарок супруге Хрущёва дорогой платиновый браслет.
Фото: личный фотоархив

– Вот те на! – удивился Владимир Касаткин, – Ведь крестная мать уже назначена, какая-то «квадратно-гнездовая» старуха, жена посольского чина. Ее фото висит уже у нас в кают-компании, вы же знаете... Она приезжала знакомиться с экипажем, как положено по ритуалу...

– Ты, Георгиевич, разве не понимаешь, что это – политический реверанс в сторону шведов? Так решено в Москве. Кто-то из советников подтолкнул идейку в МИД, а те – Хрущеву. А он, по протоколу, едет со своей женой. Её тоже надо как-то засветить, а что она может, деревенская неграмотная баба?... Говорить не умеет, языков не знает... А так – шведскому обывателю покажут по «телику»: русскому кораблю жена Хрущёва дала шведское имя! А тебе сейчас надо срочно организовать работу по... ПЕРЕНАИМЕНОВАНИЮ судна. Закрывать полотнищем название «Кавказские горы» и повесить новое полотнище с именем «Карл Линней», был такой шведский естествоиспытатель... Шведские рабочие уже доставлены на верфь. Но шведы без лесов не работают, а у нас матросы еще не прибыли. Сам сообразишь, кто тебе поможет. Я думаю, что твой дружок, рефмеханик Михаил Гимпельман, ну и начальник рации – Геннадий Поляков... Сам разберись. Времени – в обрез! Уже в полдень высокие гости будут на борту!

Т/х «Карл Линней» на ходовых испытаниях с перекрашенным названием. Было название «Кавказские горы», но Нина Петровна Хрущёва заново перекрестила, и стал «Карл Линней»!
Фото: личный фотоархив

В три часа дня наш экипаж, аж двадцать человек, был построен на причале у наспех сколоченного постамент-трибуны и взят «в коробочку» рослыми дядями, подъехавшими на консульском автобусе. По другую сторону трибуны выстроили свою технику телеоператоры, расположились шведские и наши мидовцы, гости, заводские чины, охрана... и огромная возбуждённая толпа рабочих верфи.

Наконец, подъехал кортеж из восьми машин, и маленький толстячок на коротеньких ножках – Никита Сергеевич – суетливо влез на трибуну вместе со шведским премьером, а сзади, под локоток, дяди подняли Нину Петровну и переводчицу из посольства.

Никита Хрущёв приветствует рабочих на верфи Гетеборга.

Фото: личный фотоархив

Позвали на трибуну и капитана, Бориса Григорьянца: без капитана «крещение судна» не положено по обряду. Дяди упирались, но ритуал им подтвердили сами шведы. Капитана поставили рядом с Ниной Петровной, а за его спиной встал еще один дядя, который дышал ему прямо в затылок...

Никита Сергеевич помахал кулачком, что-то прокричал срывающимся на «петуха» голосом про дружбу и сотрудничество, и подтолкнул вперед Нину Петровну. Она сбивчиво и невнятно пробормотала себе под нос что-то по бумажке и закончила словами: «И нарекаю тебя именем „Карл Линней“! Да будет тебе семь футов под килем и благоденствие твоему экипажу!»

И... наступил торжественный момент: Нине Петровне подсунили бутылку «Шампанского» на шнуре, протянутом со среза полубака... И... вместо того, чтобы с силой качнуть бутылку в сторону судна, Нина Петровна просто неуклюже выпустила бутылку из рук... Как бы – уронила...

Поскольку судно стояло на стапеле, а скуловой срез, куда предстояло удариться бутылке, находился в десятке метров от трибуны, бутылка лишь слегка коснулась борта и... не разбилась, как это положено по ритуалу!

Н. П. Хрущёва «крестит» т/х «Карл Линней». Гетеборг, Швеция, август 1964 г. Фото: личный фотоархив

Наступило некоторое замешательство. На Нину Петровну жалко было смотреть: она готова была расплакаться.

– Макитра! – пробурчал довольно громко по-украински Гена Поляков.

– Хуже! Ворона! – добавил Миша Гимпельман уже в полный голос. Касаткин стал покашливать (признак волнения), но смолчал.

Тут же стоящая впереди строя «широкая спина» повернулась и со значением посмотрела на строй. Все притихли.

– Ну, теперь все мели – мои, – то ли в шутку, то ли всерьез брякнул отважный капитан Григорьянц Хрущеву.

А ты (по-свойски, на «ты» ответил Хрущев!) позвонишь «крестной», если что!

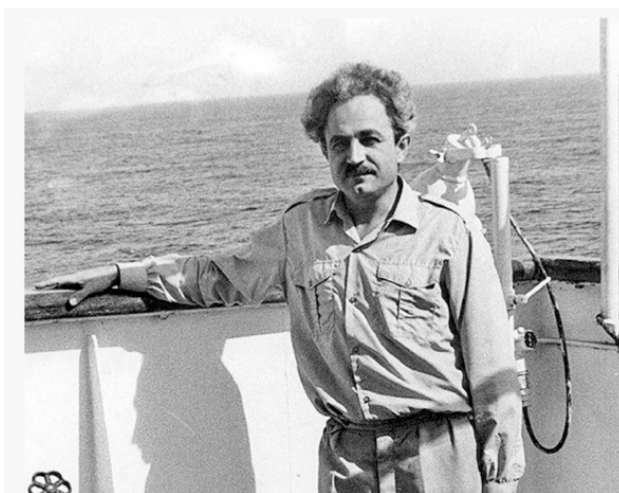
И – охраннику:

Дай капитану свой номер телефона, иначе его не соединят!

Хрущев похлопывал капитана Григорьянца по спине и улыбался во весь рот: его ведь снимали камеры, и неловкость положения не должна была быть зафиксирована, а то наплетут журналисты чёрт те чего мистического, вроде конца карьеры... (как в воду глядели!)

– А я уже один раз вашим крестником был, – осмелел Григорьянц.

– Как так? – удивился Хрущев.

Капитан т/х «Карл Линней» Борис Григорьевич Григорьянц. Фото: личный фотоархив

– А мне на выпуске из училища вместе с погонами и кортиком вручили ваш Указ о демобилизации, – улыбался Григорьянц в усы, – вот весь наш выпуск флотских офицеров и прозвал вас «крестным отцом». И все теперь на гражданке.

– Ну, вот видишь как хорошо вышло: получил такое прекрасное судно, ты тот же самый командир, только не военный! Пока – не военный! – пошутил Хрущев со значением, обнял капитана за плечи и развернул к объективам камер: для истории!

Тем временем Нине Петровне подсунули вторую бутылку шампанского, предусмотрительно заготовленную Владимиром Касаткиным, в расчете «на дурака», как оно и произошло.

Вторую бутылку уже втроем: Нина Петровна, Хрущев и Григорьянц качнули с такой силой, что шампань взорвалась у борта, как граната!

Наверху, на скуле, боцман со шведскими рабочими под звуки оркестра сдернули белое полотнище, под которым было второе полотнище с новым названием – «Карл Линней». И все захлопали под вспышки блицев.

Нине Петровне объяснили, что отныне ее фото вместе с горлышком от бутылки, будет красоваться в специальном ящичке в кают-компании.

Конечно, предыдущую кандидатку в «крестные» спешно убрали из кают-компании еще на рассвете.

Хрущев рвался на судно, осмотреть его, да и банкет, вроде бы, положен! Но ему вежливо отказали, сославшись на график пребывания. И намекнули: объект сложный, не изучен охраной из-за недостатка времени. Последний аргумент оказался самым убедительным: недавно произошло покушение на лидера в известной всем стране (1963 г., США!)

Торжество для прибывших закончилось шампанским на импровизированных столах, но у оставшихся на судне залёг на душе осадочек.

И, как потом выяснилось, – не зря...

В августе 64-го мы «крестили» судно и приняли его, в ноябре 64-го Хрущева отправили на пенсию.

А в декабре 64-го, через три месяца после крещения, по пути в Южную Америку, на Патагонский шельф, «Карл Линней» сел на мель. Мистика! В проливе Каттегат, рядом с мысом Скаген. Прямо напротив его «Альма-матер», напротив верфи в Гётеборге, где он был зачат и рожден, и так неудачно окрещён!

Звонить было уже некому, да и незачем. С мели снялись без повреждений и продолжили рейс. Но, как было не вспомнить морякам неудачный обряд «крещения» судна? Как будто на судно натянули «порчу»... А возможно, это было только совпадение.

Капитана и второго штурмана, конечно, наказали, «на память о крёстной матери»...

4. Мальвина-чаровница

Мальвина загорает на капитанском мостике топлес!

Стук в дверь каюты старпома Владимира Касаткина прозвучал, ну что ни на есть – в стантовую жилу! Владимир как раз только что откупорил бутылку холоднющей «Столичной» на смачно упакованном столе: среди свежих испанских помидорчиков и огурчиков пламенел огромный, по локоть, свежесваренный лангуст – с десятков дней, как из Африки!

Кого там черт несет? – в полголоса пробурчал постоянный гость старпома Геннадий Поляков, начальник судовой радиостанции (по жизни – «Маркони»), – лепший друг и надежный товарищ.

– Come in! Войдите!, – крикнул Касаткин и со значением посмотрел на Полякова: мол, работа есть – работа, потерпи.

Дверь осторожно приоткрылась и в каюту протиснулся вначале малиновый чемодан, а затем вкралось и ОНО – чудо из японских эротических комиксов: сверху – девочка-подросток с глазами-плошками, волной каштановых волос, без носика и с кровавыми губками – бантиком! Зато, снизу! Снизу были секси-формы зрелой женщины-самки. Из-под короткого подобию юбчонки – две стройных, упитанных ножки, в ажурных – писк моды – чулках, со стрелками вверх, туда, где они, чулки, оканчиваются...

Друзья переглянулись, в недоумении:

– Вы к кому? Вы – провожающая? – встряхнулся от наваждения Касаткин.

– К вам! – заявило Чудо из комиксов и потупилось.

– Ко мне? – изумился Касаткин.

В это время его мозговой компьютер лихорадочно открутил: «ну, сколько ей? – ну, – восемнадцать, неужели, где-то капнул?... Тьфу ты, черт! Так мне же было только двенадцать! Пятый класс! Отпадает!»... Касаткин покашливал, это у него был знак затруднительного положения или волнения...

– Вот!, – шагнула девушка к столу и положила на стол бумажку.

Касаткин посмотрел, – вздох облегчения, – и передал бумагу Геннадию:

– Вот, посмотри, Геннадий Василич, каких девушек направляют нам кадры в отсутствие первого помощника! Валентина Карловна Андрулайтис направлена к нам официанткой! Сразу после учебы. – Да вы присядьте к столу, вы, наверное кушать хотите? – предложил старпом.

– А вы раньше в море ходили? Вы качку переносите? – начал хитрый подкоп Маркони.

– Нет, в море я еще не ходила, я только закончила «Театральное училище»... С папой ходила на Байкале рыбачить,... – начала объяснять Валя и, вдруг, заметила изумление на лицах мужчин.

– Как, – «Театральное»? Почему же вы не в театр пошли работать, а на море? – спросил Касаткин.

– Ой, забыла объяснить! «Театральное» – это так прозвали девчонки наше морское ПТУ. А еще они его «Танковое» называют...

– ???, – ничего не понятно, – затеребил пшеничный ус Маркони. А «Танковое», почему? При чем здесь танки?

– Не танки, а Таньки! Почти половина девочек, приехавших в наше морское ПТУ со всех республик, – Таньки, Татьяны!

– Понятно! Ну, так мы можем сейчас легко проверить, примет ли вас море! Я налью вам пол-фужерчика водочки и брызну туда струйкой лимонада – получится шипучий коктейль «Белый медведь» и, если вы сможете потихоньку выпить этот морской эликсир, – другим подносят гадость – морскую воду, – тогда можно считать вас моряком! – у Гены включился мозжечок, заработал инстинкт охотника.

– Я не знаю... Я могу попробовать..., – растерянно залепетало чадо.

Касаткин нахмурился: не по-протоколу в его каюте охмурять ПОП, да еще и спаивать их сходу. Несмотря на то, что, по негласным правилам, набирать на суда женщин поручили

(некоторые дяди из серого дома) кадрам совместно с помполитами, работать-то с женщинами все равно приходится ему, старпому! И здесь должна быть четкая субординация! Чуть допустишь слабину и – всё пропало! Эти бестии тут же переходят на фамильярное «ты» и обсуждают каждое распоряжение. Получается колхоз!

За вежливую строгость и отвергнутые попытки близких отношений Касаткина на флоте прозвали «Офицер белой армии». Это прозвище ходило за ним с парохода на пароход, благодаря обмену информацией между судовыми женщинами. Иногда его повышали до «Офицера белой гвардии».

– Ну, так давайте поближе к столу! Я вам сейчас «шейку» лангуста нарежу, хвост, значит, – засуетился Гена, наливая водку в хрустальный фужер. – Вас как зовут?

– Валя. Валентина Карловна Андрулайтис. Мы – из прибайкальских литовцев. Туда сослали наших дедушку и бабушку в сороковом году. А в школе все называли меня «Мальвина», ведь папа у меня – Карл!, – Валя спокойно, маленькими глотками, не морщась, выпила водку, отвела генину руку с закуской, взяла его фужер с пивом, запила и подняла на Касаткина голубые глаза-блюдца:

– А сигарету можно? Мои закончились еще в поезде.. Ну, вот, папа у меня – Карл и судно – тоже – Карл! Интересное совпадение, правда?

– Наш человек!, – восхищенно прошептал Гена. – Пока боцман с плотником в городе, а ключи от свободных кают – у них, я, с твоего позволения, отведу Валу отдохнуть в свою каюту, к тебе же постоянно идут люди, а сам вернусь? – обратился Гена к Касаткину.

– Да, я очень устала. Я не спала всю ночь. В моем купе всю ночь дядечки пили водку и приставали ко мне с объятьями. – пожаловалась Валя.

– Ух, какие нехорошие дядечки! Пойдем, Валечка, я тебя уложу отдохнуть на диван в своей каюте, можешь там принять душ. Здесь тебя никто не обидит. А, если что, ты только скажи мне. Я был чемпион Киева по гребле. Среди юношей, правда. Но здесь еще кое-что осталось, смотри!, – он напряг рельефный мускул под рукавом футболки.

– Но, на посошок, давайте выпьем по маленькой рюмочке водки, я хочу сказать норвежский тост и посвятить его очаровательной девушке по прозвищу – Мальвина!, – Гена налил и встал:

«Дин скооль (за вас!), – Гена тут же переводил, – Мин скооль (за нас!), Але маке фрекен скооль! (За всех девушек в мире!), – все выпили и он заботливо подхватил качнувшуюся Валу за талию.

– А тебе, Валя, не кажется это счастливым совпадением, что теперь твое судно – тоже «Карл»! – ворковал Гена, уводя девушку, подхватив ее чемодан.

Транспортный рефрижератор «Карл Линней», так называемый «Рысак», – он имел скорость до девятнадцати узлов – уже вторую неделю грузил в Ленинградском торговом порту жир свиной в бочках, назначением на Кубу, в Гавану. Предстояло погрузить восемьдесят шесть тысяч дубовых бочек жира, сто семьдесят тонн костромского сыра, двести тонн сливочного масла, колбасу сервилат и коньяк.

Всего – более девяти тысяч тонн. Грузили с подвоза, с рефсекций, такую прорву жира собирали по всей стране. Контракт уже трещал, судно было на простое и вдруг....

Питерские докеры ворчали, когда грузили жир, но когда под погрузку подали состав со сливочным маслом и колбасой, которых не было в магазинах, – докеры грузить судно отказались! Забастовка! В то время это было ЧП прямо для «Голоса Америки!»

Капитана и первого помощника на борту не было. Они отбыли в Калининград, наш базовый порт, для отчета за предыдущий рейс в Африку, в Гвинейский залив для снятия с промысловых судов девяти тысяч тонн мороженой рыбы. Заодно, капитан должен был получить зарплату экипажу. Ну, а первый помощник полетел вместе с капитаном на поклон в свой партком и повёз свои «донесения»... Старпом Касаткин, как и положено, остался командовать судном

за капитана. И тут такое... Срывались сроки поставки груза на Кубу. Внешторг теребил: дайте дату прибытия на Кубу! (Касаткину было не до уборщиц!)

Да какая тут дата, когда...

Пригнали ЗЭЖов-химиков, расконвоированных, представляете, что тут началось в трюмах!

Они ни разу в жизни не видели такой халявы! И стали разбивать ящики с коньяком, барабаны с сыром, мешки с колбасой! Устроили пиршество и никакой погрузки! Супервайзерам и стивидорам пригрозили убийством, если те сунутся в трюм! Менты-вертухаи сидели наверху, у тамбучины-входа в трюм и разводили руками: «А чего мы сделаем с ними? Наше дело отвезти-привезти!»

Увезли ЗЭЖов, привезли солдат. Та же картина, только у неопытных солдатиков-новобранцев начались серьезные травмы при забивке тяжелых дубовых бочек «под забой»: переломы, ушибы.

Тем временем «органы» повязали зачинщиков и вернули угрюмых и зашуганных докеров.

Погрузка продолжилась. Прилетели капитан и помполит. Касаткин легко вздохнул и вспомнил о ЖОПах, ведь вслед за Валеи-Мальвиной пожаловали еще две молодые, красивые девушки, прямо скажем, – недопустимая оплошность со стороны первого помощника: Ведь они, эти помощники, всегда стремятся, для своего спокойствия, (им так кажется) набирать в службу наиболее непривлекательных особ. А помполит на д/э «Калининград», он же – судовой фельдшер, Эдуард Багдасаров додумался до того, что стал сыпать в бак с компотом для экипажа горстями бром. Поварам он говорил, что это – витамины. Но те нашли пустые упаковки и разоблачили помполита. Его счастье, что это произошло уже во время стоянки в порту, в море его могли «случайно» уронить за борт за такие эксперименты над людьми. А так его просто отозвали в партком. Свои друг друга не сдают...

А тогда, в Питере, Гена-Маркони вернулся в каюту старпома, слегка «спизнывшись», як вин казав.

– Здається мэни, хлопче Володымеж, що обэрэмо мы богато лыха з циею дивчиною! Та ще крычить дуже громко: «Ой, мамочка!», – перешел на ридну українську мову «Маркони! – знак особой секретности их разговора.

– А по этой части, на которую ты тут намекаешь – это пускай Первый, Шешуков, с ними разбирается., как ты знаешь – Ж.О.П.ы – это его преррогатива. Мое дело – их работа и порядок на судне.

В каюту постучали и, не успел старпом крикнуть своё привычное – «Камин! Входите!», как в открытую дверь не вошли, а впорхнули две девицы, ну точь в точь – путаны с Невского. Спектакль с представлением повторился: «Вы к кому?», «К вам!» и так далее., однако эти девушки загадок загадывать не стали, они сразу вручили факс-напрвление на штат официанток из отдела кадров Управления Базы флота..

Усадив красоток, старпом многозначительно посмотрел на Геннадия. Тот прятал под ладонью хитрую, хохляцкую ухмылку: ещё одно продолжение их опасений!

– Но у нас нет вакансий двух официанток! Могу предложить вам только должности матроса-уборщика, – в раздумье произнес Владимир Георгиевич, слегка прокашливаясь, как будто у него запершило в горле.

– И это вы предлагаете нам, без пяти минут инженерам, студентам Ленинградского института инженеров морского транспорта – уборщицами? Да вы с ума сошли! – хорошенькие рожицы стали, без масок, возмущенно-оскорбленные. Некрасивые.

– Хорошо! – решительно сказал старпом. – Мы тут сделаем кое-какие перемещения, найдем для вас два места, но с одним условием: назад пути не будет! Не вздумайте подходить ко мне в рейсе с таким вопросом: мол, хотим в уборщики!

– Ой, спасибо вам большое! Что вы! Мы не будем вас просить о таком: «В уборщицы!» – личики опять засияли журнальной красотой.

– Ну, разве ты, Георгиевич, не видишь, что девушки не ищут легкой жизни, как у уборщицы: убрала утречком и целый день – на капитанском мостике, пупком кверху! И это ж не то, что официантка – пять раз накрой стол, поднеси каждому, а потом еще перемой гору посуды... А тут – снова накрывай стол, «бо воны – йисты да йисты!» – Гена вертел в руках документы девушек: Они же только на второй курс перешли, им еще четыре года до инженерного диплома! А какие имена! Аврора Алексеева и Грета Закоморная, не из дворян будете? – ехидничал Маркони.

Девушки озадаченно смотрели, то друг на друга, то на этого усатого вредину-парня, разоблачившего их обман: «без пяти минут – инженеры!»

Забегая вперед, скажу, что уже через неделю после выхода судна в рейс, когда установился морской распорядок дня с пятиразовым питанием, эти две питерские красотки стали «зашиваться» на работе, систематически не досыпали и «на цирлах» приползли к Касаткину.

– Владимир Георгиевич, вы были правы, мы очень устаём. Эта «троечница» Валька загорает на верхнем мостике «топлесс», а мы не высыпаемся, переведите, пожалуйста, нас в уборщицы!

– Да вы что, девушки! «Без пяти минут – инженеров» и в – уборщицы?

И направления были у вас – официантками. Всё – по закону. Так, что до первого российского порта придется потрудиться, – съехидничал Касаткин.

– Офицер белой армии! – прошипели обозленные отказом соискатели – Грета и Аврора – за дверь старпомовской каюты. Они уже знали, кто есть кто на судне.

«Придётся потрудиться» девушки поняли по своему разумению и неписанным правилам Невского проспекта. Принимаются только чеки ВТБ (Внешторгбанка) – валюта того времени, «совковые фантики». А вниманием мужчин они обделены не были. Аврора с Гретой и Валька лишили Первого спокойной жизни! Особенно – Валька. Крики: «Ой, мамочка» раздавались каждую ночь из разных кают и разных палуб. Валя-Мальвина не обижала ни молодых, ни стариков.

Путанам с Невского и не снилась такая удобная работа, чтобы «не отходя от кассы, в очередь и не на «дерево»!

Прошли Ла-Манш, который справа, у английского берега именуется Английский канал. Так и живут: у французов – Манш, а у англичан – Канал!

И тут к Касаткину ввалилась, вместе со стуком, взъерошенная, как воробей, докторина, дама предпенсионного возраста, и прямо с порога:

– Владимир Георгиевич! Нужна немедленная госпитализация уборщицы Валентины! У нее – сильное маточное кровотечение! До Кубы мы ее не доведем! – выстрелила она с широко открытыми, немигающими глазами.

– Сядьте. Успокойтесь. Вот бумага. Напишите докладную записку капитану. Для сообщения на берег: кратко, только медзаключение и никаких эмоций типа «Не доведем», – Касаткин, прокашливаясь, набрал номер капитана: «Борис Григорьевич, разрешите зайти к вам с доктором, срочное дело!»

Надо сказать, что в те времена незапланированный заход в инпорт, кроме угрозы гибели судна, принадлежащего Минрыбхозу считался ЧП и требовал многоступенчатого согласования с Минрыбхозом, МИДОм и, естественно, с Комитетом. За это время можно было пять раз умереть...

Капитан теплохода «Карл линей» Борис Григорьевич, в прошлом блестящий офицер ВМФ, и как человек с Востока, трусом и карьеристом не был и ответственности не боялся:

– Там у нас слева по курсу острова Мадейра, порт Фуншал. Подверни, Георгиевич, проложи курс, подсчитай ЕТА, время подхода. Сейчас я поднимаюсь, дам РДО на берег. Не успеют

дать нам «добро», зайдем сами, по аварийным обстоятельствам. Зови ко мне главмеха, посоветуемся.

Двое суток, обложенная льдом Валентина была на грани смерти от кровопотери. Слава Богу, в санитарном паспорте была отметка о редкой, четвертой, группе крови у Валентины, осложненной отрицательным резус-фактором! Такой крови ни у кого на судне не было, о чем капитан сообщил агенту в порту Фуншал, на острове Мадейра.

И что вы думаете после этого о Португалии, если к нашему подходу на якорную стоянку в порту Фуншал нас встретил агент и радостно (агенты хмурыми не бывают в природе!) сообщил нам, что необходимая кровь уже доставлена с пассажирским рейсом самолета из Лиссабона?!

Валентину, в сопровождении доктора и Первого, – ну как же без него!, – агент увез на катере на берег, в госпиталь.

Вернувшиеся с берега доктор и Первый доложили капитану, что состояние больной крайне тяжелое и еще сутки она бы не протянула. Болезнь определили, как результат иммунного самовыкидыша, (аборта), вызванного резус-отрицательным фактором крови у Валентины Карловны Андрулайтис..

Апофеоз этой истории наступил тремя сутками позднее, когда мы находились ровно посередине между Фуншалом и Гаваной, где ни госпиталей, ни островов больше не былою...

И тут к Касаткину снова, в полубессознательном состоянии, вместе со стуком влетела докторина:

– Владимир Георгиевич, ужас! Мне доложили, что уже вторые сутки из изолятора доносятся крики: «Ой, мамочка!», а дверь изнутри оказалась заперта! Один ключ – у меня. Второй – у вас! Рядом, в лазарете, живут три курсанта-практиканта из вышки имени Макарова, «макаровцы-архаровцы»... Их так на судне называют – очень нахальные молодые люди... У них была общая ванная с Валентиной, но я просила плотника вход от пацанов перекрыть... Наверное – забыл. Или – подобрали ключ. Вы, наверное, знаете, что означают крики Валентины – «Ой, мамочка!»? – потупила очи старушка.

Тут уже и старпом заволновался: дело пахнет прокурором... Если с Андрулайтис, этой, бл..ин, Мальвиной, что-то случится – осудят за бездействие, за неоказание своевременной помощи, за необеспечение должного ухода и еще черти за что...

Касаткин снял ключ-мастер (вездеход) с доски запасных ключей и направился в изолятор. Открыв дверь, он, краем глаза, засек аккуратно притворяемую кем-то дверь в ванную.

В изоляторе было накурено и пахло вином! «Ё-мое! Ни хрена себе, умирающая! Себе б так умирать!»

Валентина лежала на огромной спецкровать (на кардановом подвесе – компенсаторе качки) и улыбалась улыбкой Джоконды, Леонардо да Винчи, – сама невинность!

– Валя, четыре дня назад тебя врачи вытащили с того света! Тебе кровь доставили самолетом из столицы Португалии – Лиссабона! Наш капитан, не дождавшись разрешения на заход, на свой страх и риск зашел на Мадейру, чтобы спасти тебя... Врачи прописали тебе покой и... никаких контактов с мужчинами... По крайней мере, в течение месяца... А ты! С приходом в Гавану я буду просить капитана отправить тебя самолетом в Россию, за твой счет! – нетвердо заявил Касаткин, зная, что никого ни о чем он просить не будет, но бардак на судне он не позволит ни в коем случае.

– Ах, Владимир Георгиевич, да бросьте вы!, – Валентина выскользнула из-под простыни и прильнула к огромному открытому иллюминатору, обнажив при этом, под короткой рубашонкой, замечательную голую попку.

– Вы лучше посмотрите, какая красота в океане, какие крупные звезды, они отражаются на водной глади! А хотите, идите ко мне, я уже здорова? – Валя-Мальвина продолжала игриво улыбаться: «Я ж николаы, никому, ничего, а як-шо-й колы, кому – шо, так шо ж тут такого!» –

такая поговорка была у наших ссыльных украинцев, они жили рядом с нами, в одном посёлке. А списать с судна и тем более – «репатриировать» как вы выразились, вы меня не сможете: у вас нет на это оснований... Мое поведение? Так со свечкой никто не стоял! И потом я – свободная женщина, незамужняя... Аморалка, вроде бы – не ваша забота, Владимир Георгиевич!» – вдруг пошла Валя в атаку.

«Оп-паньки! Вот тебе и ПТУ! Проф. «театральное» училище или «танковое!»... Вот тебе и «Мальвина», – куколка с голубыми волосами! Да тут – пантера, хитрая и когтистая! Вот бабы!...Имажине – притворы...»

– Короче! Будешь заблокирована до Гаваны, а там пусть решает капитан. Доступ к тебе разрешаю только доктору и буфетчице. Все! – сказал, как отрубил Касаткин.

О, нет, дорогой Владимир Георгиевич и менее дорогой – наш Первый, Владимир Никитович Шешуков, это – не все, более того это – только начало походов нашей Мальвины-Валентины Карловны, ибо впереди – более чем двухмесячная стоянка в порту прекрасной, в ритмах и запахах моря и сигар – Гаваны!

С приходом в Гавану, Касаткин, собираясь с Первым в ночной ресторан-кабаре – «Тропикана» у Первого в каюте, при открытой двери (так положено Первому, авось кто заскочит «просигналить»...) высыпали на стол все имеющиеся песо, подсчитывая, хватит ли на ночь в супер – кабаре: (Второе место в мире, после такого же кабаре на Багамах, построенного конкурентом, нефтяным королём, в борьбе за престиж!) пять песо такси – туда, десять – назад (ночью тариф удваивают!) и двадцать песо – бутылка ноль-семь «Баккарди» – более пятидесяти градусов крепости, плюс «Зельцер Вассер» с ведерком льда, итого – тридцать пять песо (или десять флаконов нашего «Тройного» одеколона! Если взять их у начпрода и отдать стивидору!) за чудесное зрелище сотни символически одетых танцовщиц при таких зажигательных ритмах, что усидеть за столом невозможно! «Тропикану» систематически посещают даже Фидель с Раулем, сами видели! Они в этом остались испанцами: «Нам хлеба не надо! Нам музыку давай!»

У открытой двери остановилась Валентина, быстро оценила ситуацию и шагнула к столу. Она вытасила из лифа купюру достоинством сто песо (сто долларов по курсу!) положила на стол и прочувственно, с достоинством филантропа-благотельца, спасающего голодных деток, изрекла:

– Возьми, Володя! (на «ты»!), Выпей за мое здоровье!, и неспешно удалилась...

У Первого в глазах застыл ужас... Во-первых, – раскрыла, сволочь... А, во-вторых, валюта! Её на судне ещё не выдавали!

Нашелся Касаткин: «Валентина, вернись и заberi свои деньги!» – крикнул он вслед удаляющейся благотельнице.

– Ни в коем случае!, – очнулся Первый. – Не отдавай ей валюту! Я обязан провести расследование, ГДЕ она взяла такие деньги! – возопил Первый.

У него мгновенно промелькнула в глазах картина: в Балтийском райкоме партии, на Понарте, он кладёт на стол свой партийный билет под осуждающие взгляды партийных бонз... Весь ареопаг голосует «единогласно»... А это означает – «волчий» билет на всю, оставшуюся жизнь! И кто-то ещё завидует первым помощникам, мол, – за так получают большие деньги! Да это «кан-кан» на острие ножа, а не жизнь! Он, с гадливостью, вспомнил, как сам голосовал за исключение своих коллег, с которыми не раз братался за бутылкой... Феликса Устинова, помполита с либертоса «Совгавань» исключили по навету брошенной жены, якобы за неуплату алиментов. А она сама же просила: подавать не буду, приноси сам. Ведь с каждого рейса он нес еще и подарки. Никаких расписок, конечно, не требовал. Дали год тюрьмы. Юру Феденёва – за присланную в партком, подленькую, изподтишка сделанную фотографию, где ему, пьяненькому, во сне, на шортах, сзади, написали суриком: «Слава КПСС». Ну и Дмитрия Крылова – за бытовое пьянство... А пил он, как все, не более того! Правда, ежедневно и поне-

многу... И все они были и есть – очень хорошие люди. Потому и исключили. Не вписались в свору, были мягкими, демократичными...

– Владимир Никитович, ты, как тот старый еврей, который один на всю Одессу не умел рифмовать слово «где»... Где его жена брала деньги? А к Вале каждый вечер приезжает дорогая открытая машина, орут на весь порт по-русски: «Мальвина, иди сюда!» А откуда у нее кольца, серьги и монисто? Все это из одного места.

– Так может мы её отправим? – робко предложил первую, пришедшую на ум мысль Первый.

– Да она только рот раскроет: Первый насильно меня, неопытную девочку, принудил к половой связи и ты лишишься партбилета, работы и, возможно, – семьи! Половина экипажа тебя ненавидит из принципа, доброжелатели найдутся, подтвердят слова Валентины. Вспомни буфетчицу Светлану Муху. Сколько из-за неё пострадало капитанов и первых помощников! Так что, – играй в непонятки. До прихода в порт. И молись, чтобы она не отчебучила еще чего-нибудь – попал в самую точку размышлений Первого Касаткин.

А она-таки отчебучила!

Весь период выгрузки шли недостачи груза. Пять фальш-твиндеков дали недостачу по всем позициям, пять твиндеков – удвоили недостачу, а закончив выгрузку пяти трюмов, с ужасом обнаружили, что только жира недостаёт 176 бочек, а это около 20 тонн. Сыр, колбаса, коньяк, сливочное масло – все в недостаче!

Недостача закономерна и есть результат умысла кубинских стивидоров: на каждый строп в трюме они накатывают по два – три лишних места, сверх условленных, а пересчитывать на причале нашему тальману не дают, тут же увозят электрокарами на склад...

Второй помощник всё докладывал капитану, но тот ничего поделать не мог, кроме написания вежливых бумаг. Куба, Остров Свободы! Никаких коллизий быть не должно. То же самое подтвердил и капитан стоящего рядом черноморского сухогруза «Трансбалт»: у него недостача четырёмсот ящиков с электроникой из Японии.

– Ну, напишете вы Коммерческий акт о недостаче, его вместе с коносаментом перешлет Получатель в «Продинторг», а там всё спишут. С Кубой ссориться не будут, всё равно мы её содержим задарма. Так что, не волнуйтесь и всё подписывайте, не глядя, – посоветовал он.

Ага! Ему хорошо рассуждать по-государственному, он – Черноморское пароходство представляет! А мы – арендованное судно у Минрыбхоза. С нас штаны снимет родная База! Всю жизнь придётся работать на иск! Капитан пошутил Антону: закапываем всё золото в погреб, готовимся к конфискации всего недвижимого имущества...

И тут пришла Она! Судьба в лице Первым поруганной и всеми начальниками затюканной Мальвины, то бишь – Валентины Андрулайтис!

Она так тихонько проникла в открытую каюту Антона, что он, удручённый невесёлыми мыслями, даже не слышал, как к нему вошла эта самая порочная Судьба.

– Антон, я тебе пришла помочь. (С Антоном Валя тоже была на «ты», из каюты Антона некогда тоже раздавались крики «Ой, мамочка!») Вы завтра закрываете документы, Дрей сказал, он вам спишет недостачу, если ты сегодня организуешь маленький банкет. Ну, – вечеринку, что ли. Дрей возьмет с собой кого следует – моего жениха, например, – Марио Эрнандеса. Ты его знаешь, он – начальник всех портовых холодильников.

– А Дрей – это который – начальник погрузрайона порта Кубано де песко? – с безнадёгой поинтересовался Антон.

– Ну ты же видел их, когда они, после посещения капитана, заходили ко мне в гости, – кокетливо напомнила Валентина.

– Да, я видел. И что?

– И – то! Я за Марио выхожу замуж! И он для меня взялся тебе помочь и списать недостачу, ты понял, наконец? Накрывай вечером стол!

– Спасибо за заботу, я подумаю... На слова Валентины о замужестве Антон не обратил внимания, голова шла кругом от свалившейся большой беды...

– Жду ответ через час, мне же еще надо их пригласить!

Капитану о такой затее говорить было нельзя, он – лицо строго официальное. Первому – тоже нельзя, он не стал бы благословлять пьянку на судне с иностранными гражданами, хоть это и кубинцы. Старпома Касаткина ввязывать в авантюры – просто непорядочно, он – честняк парень и шахеры-махеры терпеть не может. Оставалось идти к Маркони. Для этого хохла приколы – мёдом не корми!

А! Легко сказать – накрой «поляну»! А за какие шиши? Один пузырь «Бакарди» стоит двадцать песо, а это – двадцать долларов!

– У тебя есть «псы» или доллары? – сразу по-деловому врубился Гена, он принял затею, как должное, как нормальный ход. Такое и у нас дома проходит на «Ура!».

– У меня есть всего двадцать песо, на одну бутылку, – упавшим голосом сознался Антон.

– Нэ на того напалы! – А мы з твоих двадцаты «псов» зробымо двадцать бутылк «черри-брэнди», от-так-от! – поднял вверх палец хитрый Маркони. – Слухай мэни: беремо у фармации, у аптеки по-йихнэму, двадцать одну лытрову бутылку чистокровного медыциньского спыртяги, вин у них по девьяносту копийок, чи-то – центаво – за бутылку, просто – халява! У начпрода беремо хоч скокы – сик вишневий концентрируваний и ...каструляку на камбузе! И... писец! Пушай хоч увэзь свий порт притягнуть до нашего хлибосильного столу!, – покручпвая ус, хитро сощурившись, шептал по-украински (особая секретность!), почувывший след охотник Гена-Маркони.

Вернёмся в мировую историю!

Почти недавно, в 1871 году, два месяца и десять дней просуществовала Парижская Коммуна! Первое государство рабочих и крестьян, первая диктатура пролетариата НА ДЕЛЕ! Ибо первым её указом было – «Свобода, равенство и братство», и, прежде всего, равенство заработной платы – кушать все хотят одинаково – и работяга, и дворник, и министр получали одинаковую зарплату, кроме Национальной Гвардии, которым полагалась надбавка за смертельный риск!

Хитропопый еврекалмык – добренький дедушка Ленин, – не к ночи будь помянут!, – сам ничего не придумал, всё, до запятой, он «слизал» у закопёрщиков Французской революции 1871 года, и «Принцип Парижской Коммуны» – равная зарплата всем гражданам России была им обещана и этот Принцип даже соблюдался аж до... организации ВЧК в семнадцатом году, во главе с евреполяком Феликсом Дзержинским. Но, при «Карающем мече революции» можно вообще ничего не соблюдать: попробуй – вякни! Хотя, для видимости, «понты» соблюдали: и нарком продовольствия Николай Семашко и Главный Инквизитор Дзержинский: они покажушно падали в голодные обмороки... А после смерти Дзержинского в его кабинете обнаружили залежи всех видов и цветов рыбной икры, польского бэкона, голландского сыра и шоколада «Ван Гуттен», а также копии заявок за границу на поставки для него, любимого, разных вкусностей из разных стран. Дзержинский обожал вкусно пожрать, особенно – польские деликатесы! И всё это он получал даже в ссылке, ведь Царь платил этим прохвостам немалое денежное содержание – вроде пособия по безработице. Не сравнимое с нашим, теперешним, в пользу этих проходимцев, повывлезавших со всех щелей и местечек Великой России.

Такой же Принцип Парижской Коммуны сразу же ввёл в стране и марксист Фидель Кастро. С единственным «пунктиком» – все получают одинаково... мало. Он ввёл карточную систему распределения всех благ, при средней зарплате – 120 песо (долларов).

Надбавку получают лишь военные, люди с тяжелым физическим трудом и с особо ответственными должностями. Примерно, сорок процентов зарплаты сразу вычитается за продукты питания – продуктовую корзину, которая у всех – одинакова!

Поэтому, русская поговорка: «Есть на свете такой народ, хоть голодный, а – поёт!» на Кубе не актуальна. На Кубе нет голодных, на Кубе – все свободны, но все одинаково, спартански, нет, не бедны! Одинаково скромны... Нет у кубинца привычной нам бытовой техники, электроники, автомашины... В продаже всё это найти можно, но цены не сопоставимы со скромной суммой – остатка от «корзины» и социалки... Может быть ещё и поэтому вы не увидите на Кубе пьяных людей на улицах! Хотя тридцатьчи двести баров заполнены всегда. Пьют сорбесо (пиво) и одну-две рюмки на весь вечер бакарди – кубинского рома.. Вы никогда не увидите на улицах Гаваны проституток: их всех Фидель трудоустроил... в ГАИ, а непокорных сослал в провинцию, на сельхоз работы. А до революции, в 1959 году, проституток в Гаване, только учтёных, было двести тысяч. Ведь в Гаване, при Самосе, были разрешены игорные заведения и бордели, а от американской Флориды было всего двадцать пять минут лёта до городского аэродрома, примыкающего к кабаре «Тропикана»! Вечером прилетел, ночь погудел, а утром улетел прямо в офис, на работу! И ещё: В Гаване нет – ну почти нет – толстых женщин!! Култ фигуры женщины там блюдут очень строго, с религиозным тщанием!

Так вот, после вышесказанного, добавим, – невероятное для России чудо: кубинцы не пьют, совершенно задаром продающийся в аптеках, спирт!:

– Ты же знаешь, что для кубинца пить спирт – это то же, что для русского пить палитуру – крайняя степень падения!, – засомневался Антон.

– Так мы подадим на стол этот коктейль в графинах, как русскую «Черри-бренди» – вишнёвую водку. А коктейль намешаем у меня в спальне и ни одна собака не будет об этом знать, – спокойно рассудил Маркони.

– А зачем столько много спирта покупать, именно двадцать одну бутылку?

– Так на все твои гроши, на двадцать песо. Наберём халявного спирта, больше на Кубе купить нечего. Остаток – поделим и будем поить «бурдой» уже наше начальство, только уже – кубинским «Черри», как оно и есть в натуре, – спланировал Гена ситуацию наперёд.

Опуская подробности, скажу, что припёр Гена на «могутних» плечах полный крафт-мешок спирта. Намешал его огромной, мохнатой лапой в кастрюле с вишнёвым сиропом, в своей спальне под родной хохляцкий напев:

Я в сопилочку заграю,
Заграю-заграю!
З самогонным аппаратом – розмову повэду:
Самогонэ, самогонэ!
Хто ж тэпэр тэбэ нэ гонэ?
Хто ж тэпэр тэбэ нэ гонэ?
И в селах и в мистах!
На гори стоить дружинник, махае кулаком,
Пид горой стоить бабуся – торгуе пэрваком,
Пийтэ, хлопци денатуру, бо горилка стягнэ шкуру,
Бо горилка стягнэ шкуру и в селах и в мистах!
Украино, ридна маты,
Нэ вкрадэш – нэ будэш маты
Нэ вкрадэш – нэ будзш маты,
Ни в селах ни в мистах!
Самогонэ, самогонэ... и так далее

Раут, как и планировала Валя-Мальвина прошел на славу. Однако...

Организмы у кубинцев не способны расщеплять русские дозы алкоголя, тем паче, что Гена самостийно нарушил рецепт Дмитрия Менделеева и, вместо пропорции – сорок процен-

тов спирта в литре бурды, он, на морской, выпуклый глаз, от широкого сэря, положил – все шестьдесят процентов спирта: «шоб, на точняк, их достало до самого ануса!! Знай наших!»

Их и взяло! Не прошло и двух часов, как все пятеро гостей лежали вповалку. Вначале хозяева даже перетрусили: не потравил ли их Маркони от щедрости душевной? Но, когда Маркони сознался в грубом нарушении рецепта Дмитрия Ивановича, от души отлегло: «Так им и надо – не будут красть чужой жир свиной высшего сорта!» – резюмировал Хлебосол-Маркони.

Но весь ужас ситуации был ещё впереди.! Ведь перед тем, как вырубиться вчистую, начальник всех начальников в порту – Дрей, вдруг вышел из-за стола и, качаясь, направился ... в туалет... перепутав дверь со спальней Маркони, где тот кашеварил свой забойный напиток!

Не нужно было пяти лет пребывания в России, где Дрей окончил институт, чтобы понять, что они пьют! В спальне был хаос из бутылок со спиртом и флаконов с вишнёвым сиропом вокруг двадцатилитровой кастрюли... И Дрей всё понял!. А говорили «Русская вишнёвка»!

Сзади Дрея твёрдо взял за плечи Гена и сказал: «Дрей, ты ведь не станешь портить дружбу между нашими народами (!)?» (Во! загнул!)

– Не стану! – промямлил еле живой Дрей и упал на широченную кровать Маркони, без сознания.. А утром он сделал вид, а может и самом деле, что он ничего не помнит. И слава Богу, пронесло! И – реномэ щедрых хозяев сохранено, и – дело сделано! Теперь – ждать результатов оглушительного угощения...

На следующий день, в Управлении порта, все коносаменты (накладные на сдачу груза) были, выражаясь морским языком, – «зачищены», то – бишь подписаны без замечаний, кроме одного! Держитесь за стул: «Обнаружились ИЗЛИШКИ, (перечислены), в том числе – шесть тонн муки пшеничной высшего сорта.»

Ха!, Ха! И ещё раз – Ха! Бо, як кажуть у нас на Вкрайини, муки у нас зроду нэ було! Откуда взялась мука, мы её не грузили, никогда не перевозили и, кроме как у начпрода для пекарихи, муки на судне не водилось!?

А разгадка такого счастливого, волшебного превращения морской пыли в шесть тонн муки стояла рядом с нашим судном и – так же выгружала продукты. Это – латвийский рефрижераторный теплоход «Шторм», на котором и была доставлена, кроме всего прочего – мука.. Видимо, братьям-кубинцам было не очень накладно писнуть эти шесть тонн нашему судну, нахапали достаточно!

Сделал дело, гуляй смело! На сутки Мальвина пропала... При всем нашем возникшем сверх уважении к ней Первый заволновался... Хоть мы и намекали ему: человек привык платить по долгам, не кипишуй, объявится, да еще с каким-нибудь фортелем!

Как в воду смотрели! Мальвина явилась к помпе и потребовала свой паспорт:

– Я выхожу замуж за Марио! Это тот, который – начальник всех холодильников! И остаюсь на Кубе! – заявила она с порога.

– Паспорт я тебе не дам. Увольнения я тебе запрещаю. Мы уже готовимся к отходу – посуровел Первый.

Валя приоткрыла дверь каюты и сказала, в коридор: Марио, заходи!

Зашел высокий, молодой, белокожий испанец – Марио и сказал: «Я всё слышал!».

– Вы, товарищ первый помощник капитана, ежедневно и ежечасно слышите по кубинскому радио: «Viva Cuba, Habana, Territoria libre de America!» – Куба – свободная территория Америки! Вы не смеете запрещать Мальвине сходить на берег и выйти за меня замуж!.. – заявил Марио и отверг предложение Первого сесть.

Первый был в полной растерянности. Первое его желание было – бежать за помощью к капитану...

Всю предыдущую карьеру он сделал, будучи секретарём парткома в пригородном совхозе и с контингентом (доярки, трактористы) чувствовал себя – на коне!

А тут? Как бы чего не навредить! Потом вовек не отмоешься! Повесят строгача, потом – снимут, а запись-то останется...

– Никто не запрещает уборщице Валентине Андрулайтис получать увольнение на берег, – соврал он тут же. Однако, она имеет право, согласно заграничному паспорту моряка, лишь посещать берег, но не оставаться в стране пребывания судна. Разрешение на брак и визу на въезд Валя должна получить в Союзе, на Родине. А сейчас я просто поздравляю вас с вашим решением и – пройдёмте к капитану, он вам даст свои рекомендации...

К капитану Первый потащил их, чтобы «взять с собой по делу» и капитана, в случае чего... А, вдруг, Валька сбежит и самовольно останется на Кубе! Тогда – хана!

А так, – всё-таки меры принял, а дальше – воля капитана, на то он и «Первый после бога на судне в море!»

Капитан «от Бога» – Борис Григорьевич был внешне невозмутим при любых ситуациях и даже позволял себе шутить, когда других трясло от волнения.

Выслушав тройку взволнованных вошедших, он лишь хохотнул и сказал:

: – Согласно Морскому праву и КЗОБСиО (Кодекс законов о браке, семье и опеке) я, как капитан имею право оформить ваш брак прямо на судне, с записью в судовом журнале.

Вместо церковного аналога, – обеда у вас три раза вокруг компаса в рулевой рубке... Но для этого нужны форс-мажорные условия, такие, как, например, – необитаемый остров! Ну, а поскольку мы с вами находимся в центре цивилизации Карибов – Гаване, то вам придётся обратиться вначале в наше Посольство в Гаване и там вам расскажут кому, куда писать прошения. А просто оставить Валентину Андрулайтис на берегу я не имею права, согласно иммиграционным законам Республики Куба. А пока, своей волей, я разрешаю Валентине продлённое увольнение на берег, под ответственность приглашающего – Марио Эрнандеса Эрэдиа, первый помощник оформит это в журнале увольнений.

На том и распрощались, все были удовлетворены.

Таких проводов Гаванский порт Кубано де песко не видел сроду. На причале образовались две группы молодых кубинцев, одна из которых орала на все лады: «Мальвина»!, а вторая группа скандировала: «Грета! Аврора!»

Возвращение в порт никого не пугало, совсем наоборот, все были в радостном ожидании и оно вскоре подтвердилось: по итогам рейса весь экипаж был премирован, а командирам – капитану, старпому и второму помощнику вручили золотые часы «Москва», стоимостью в десять береговых зарплат простого советского инженера, этакого эталона отсчёта благосостояния, как прожиточного минимума в наше время. Правда, в Управлении долго ломали голову, откуда капитан взял шесть тонн муки? И, не мудрствуя лукаво, оформили муку задним числом, как погруженную ещё в Калининграде, до начала рейса, – благотворительную помощь детским садам на Кубе! За счёт чего и наградили троицу дорогими часами. (Спасибо вам, Дрей и Марио за ваши «хабары», и да простят вас пострадавшие на сумму золотых часов латыши, с коих наверняка удержали немалые суммы в пароходстве!)

Владимир Касаткин списался с судна на сессию в Техническом институте, который он оканчивал будущей весной. Получив в кассе чеки ВТБ (совковая валюта!), он направился сразу в, так называемый, «валютный» магазин «Альбатрос», купить подарки жене Бетти и сыну Игорю, ибо с Кубы он привёз только необыкновенной красоты морские раковины и кораллы.

У входа в магазин Касаткина поймал за пуговицу дежуривший там постоянно Борис Болтянский. Он скупал у знакомых моряков сертификаты (чеки ВТБ) и увозил их в Одессу, где цена их была ровно в полтора раза выше. Это был уникальный тип. В возрасте где-то под пятьдесят лет он оставался бессменным третьим и четвёртым помощником капитана и славился на весь флот тем, что все капитаны от него избавлялись из-за его низкой квалификации и неуёмного гонора. (Он имел диплом «двестипудовика», то есть – судоводителя судов водоиз-

мещением до двухсот регистровых тонн, выпускались такие малые специалисты сразу после войны в УКК, – учебно-курсовых комбинатах).

Избавиться от Бори можно было лишь ценой вырванной «с мясом» пуговицы.

Боря наклонился, для интима, к самому лицу Касаткина и, обладавая его зловонным дыханием, затараторил с одесским акцентом, сощурия маленькие, бесцветные глаза:

– Володя, ты не слышал, как меня «кинули»? И где? В Одессе! Теперь я должен всему Калининграду! Я же накупил тридцать чековых книжек и думал – сделаю, наконец, себе хороший гешефт! Так мои «купцы» – старик и девка – завели меня под арку дома, стали пролистывать каждую книжку и класть себе в карман. На последней книжке старик раскашлялся, поднял шум. И тут сверху сбежали два здоровенных дружинника с повязками, орут: «Ну, кто тут торгует валютой?» И оба повисли у меня на руках! Мои «купцы» тут же ломанулись через проходной двор. А мне чего делать? Идти с ними в милицию? Не на того напали! Силушка есть ещё! И как кину одного – в одну сторону, другого – в другую и – ходу! Вот хрена вы меня в Одессе догоните, я тут каждую подворотню знаю! И, представляешь, – не догнали! Вот только денег жалко... И кредиторы замонали... Не продавать же мне дачу в Раушене! И, вдруг, Боря сменил тему:

– А как ты с Григорьянцем работаешь? Это же такое га-авно! Представляешь, я пришел к нему, как к человеку, попроситься на работу помощником,, а он мне лепить: – иди в портофлот, там тебе – цены не будет! А капитана Лазаря Шухгалтера знаешь? Так это такое га-авно! Я у него работал четвёртым помощником. Так он меня списал прямо в Одессе! И проставил мне шесть дней прогулов! Так у меня ж пол-Одессы родни и знакомых! Я ж должен был никого не обидеть и повидать всю свою мишпуху! Мы стоим вахту со старпомом, так старпом-таки ж был на судне! А капитана Спартака Николашина знаешь?

– Знаю, Боря, знаю, наверное, он – тоже га-авно и тоже тебя прогнал, да? – и тут Касаткина выручили питерские «без пяти минут инженеры» – Грета и Аврора:

– Владимир Георгиевич, мы улетаем домой, мы вам за всё очень благодарны. Мы сами, дуры, виноваты – вляпались в очень трудную работу официантками, а ведь вы нам предлагали... А вот ваш помполит Шешуков – очень низкий человек. Кроме того, что он днём и ночью внезапно врывается в нашу каюту с проверками, он нас подслушивал... – вы не поверите! Он пролезал в пространстве над каютным подволоком и оттуда прослушивал весь экипаж. Мы и раньше слышали шорохи оттуда, но мы не предполагали, что туда может забраться человек! А у нас в каюте ребята отвинтили нам подволоки на случай – спрятать туда покупки, и этот козёл вывалился оттуда! Мы испугались. А он нас сразу застрашал: «это его секретная работа, связанная с „органами“, и нам никогда не откроют больше визу, если мы разоблачим его перед экипажем. Между подволоками он, якобы, проверял наличие на судне контрабанды!» И это с Кубы-то! Контрабанда! Чего, сахара?

В магазине оказались все, оставшиеся на берегу члены экипажа, в этот день в кассе выдали чеки ВТБ. Ну и, конечно же, все мужики толпились возле Мальвины, она была необыкновенно хороша в шубке из голубого песка, в накидку, на улице было еще тепло. Сзади два молодца тащили её баулы. Валентина заметила Касаткина и сразу – к нему:

– Владимир Георгиевич, здравствуйте! Ваш засранец-помполит списал меня с судна прямо в день прихода! Сказал, что с закрытием визы. Ну и чёрт с ним! Я вышла замуж за моториста Юру Литвинца. Он ушел в рейс, а мне оставил доверку на зарплату! Вот видите, что я себе купила на две наших зарплаты? И его накопления?

– Вижу, Валя. Автомобиль у тебя на плечах.. А как же твой испанский красавец – Марио?

– Мавр сделал своё дело! И ему можно удалиться. Спасибо Марио, он показал мне Кубу такой, какой никто из вас не видел. Набережная Мелекон, пляжи Барадеро, кабаре «Тропикана» и рестораны «Гавана-либра» и «Националь» с испанскими танцами и музыкой... А наши в это время, в лучшем случае, сидели в зачуханном интерклубе с бутылкой спирта из фармации

под столом и бокалом пива с нарубленной судовой докторской колбасой в газете, на столе. Ну и, лучше синица в руке, чем журавль – в небе, правда? Я приглашаю вас в ресторан «Балтика» обмыть мою обновку, ну, как, рискнёте? Не побойтесь жены? – она лукаво прищурила глазищи.

– Нет, Валя, спасибо, но я с тобой не пойду, я, Валя, не по этой части. А жену я не боюсь, жена у меня – мой надёжный и верный друг! Чего и тебе желаю, хотя помнится, Юра Литвинец когда-то обижал наших судовых женщин. Он говорил: «когда я сильно хочу тётку, я иду в столовую, смотрю на наших судовых... и – начисто пропадает желание!». В этом рейсе, я вижу – Юру бес попутал. Значит ты – особенная, ты же у нас красавица!

– Ладно вам, комплименты – это не ваше. Так идёте со мной в ресторан? Хотя, что с вас взять, вы же – «офицер Белой Гвардии»! Белогвардеец, одним словом!

– Ну, спасибо тебе, что я не – Карабас-Барабас!

Чисто английская педагогика

Рассказ-быль

Сначала вся колония несовершеннолетних правонарушителей, «малолетка», хотела затеять «бузу». А получилось всё совсем наоборот – «азуб»! Та же «буза», только прикольная...

А теперь всё по порядку.

Две будущие «англичанки», студентки почти уже четвёртого курса Иркутского пединститута иностранных языков Таня Новикова и Ира Фёдорова робко /были на то причины/ вошли в кабинет декана. Они пришли за направлением на летнюю производственную практику по теме «Педагогика».

Педагогика – это, как бы по-простому сказать, методика воздействия на ученика, не применяя при этом матерщины. И тем более – физического насилия. Индивидуальный подход, вроде этого...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.